

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

Секция I
Кризис на Украине
и трансформация мирового порядка

13-я Международная конференция. Май 2015

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное управление в XXI веке

Секция I

Кризис на Украине и трансформация мирового порядка

Материалы 13-й международной конференции
Май 2015

УДК 35(063)
ББК 66я431
Г72

Г72 Государственное управление в XXI веке: материалы 13-й международной конференции, май 2015. [Сборник] / Коллектив авторов — М.: «КДУ», «Университетская книга», 2016.
Секция 1. Кризис на Украине и трансформация мирового порядка: [Сборник] / Коллектив авторов — М.: «КДУ», «Университетская книга», 2016. — 48 с.

ISBN 978-5-91304-636-9

ISBN 978-5-91304-637-6 секция 1

В сборник включены доклады и выступления участников международной конференции по широкому кругу проблем государственного управления, Евразийской интеграции, социальных аспектов инновационного развития экономики, современных теорий и технологии управления. Тексты представлены на языке оригинала: русском и английском.

Для исследователей, преподавателей, студентов, аспирантов, управленцев-практиков, а также всех, кто интересуется вопросами государственного управления.

Электронное издание
Оригинал макет подготовлен в ООО «КДУ»

© Факультет государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016

978-5-91304-637-6

© КДУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрюшина Е.В. (Россия, г. Москва)</i> Трансформация положения России в мировой политике: начало XXI века.....	4
<i>Кащук С. М., Сиднева С.А. (Россия, г. Москва)</i> Кризис на Украине глазами итальянских и французских СМИ.....	10
<i>Росенко М.И. (Россия, г. Севастополь)</i> К вопросу о причинах и последствиях политического кризиса в Украине.....	17
<i>Сенюшкина Т. А. (Россия, г. Симферополь)</i> Цивилизационная идентичность как фактор воссоединения Крыма с Россией	23
<i>Тарусин П.В. (Россия, г. Москва)</i> Региональные элиты Крыма и Донбасса как субъекты кризиса на Украине.....	29
<i>Турунок С.Г. (Россия, г. Москва)</i> Украинский кризис в геополитическом измерении.....	35
<i>Шаповалов В. Ф. (Россия, г. Москва)</i> Кризис на Украине как следствие цивилизационного разлома: сущность и пути преодоления.....	42

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: НАЧАЛО XXI ВЕКА

Аннотация. Роль России и ее способность быть актором современной мировой политики в современных условиях подвергается серьезным трансформациям, связанными с объективными процессами глобализации, возникновением большого количества акторов мировой политики, информационной стадией развития мирового сообщества, геополитическими интересами отдельных государств и их блоков. Чтобы продолжать оставаться неотъемлемой частью современного мира, нам необходимо использовать спектр возможных ресурсов и механизмов продвижения своих интересов, в первую очередь, на постсоветском пространстве, а также на глобальном уровне, от поддержки партнеров в рамках межправительственных объединений до участия в неформальных объединениях государств.

Членство или же статус наблюдателя в международных интеграционных объединениях с момента становления поствестфальской системы международных отношений является дополнительным, а иногда и весьма существенным для любого современного государства геополитическим ресурсом. Да и сам миропорядок приобрел качественно новые черты именно за счет растущего многообразия акторов. Многие исследователи заговорили о «размывании государственного суверенитета», эффекте «падающих государств», потере государством монопольного положения или же лидирующих позиций в системе принятия наднациональных решений [1].

Однако как показывает практика, само качество и тип государства по-прежнему продолжают играть приоритетную роль в поддержании или изменении мирового порядка. Речь идет, прежде всего, о мощных государственных игроках, которые способны выстраивать и подчинять своим национальным интересам политику не только международных правительственных организаций (МПО) разного уровня (вплоть до универсальных, таких как ООН), но и инициировать глобальную повестку дня в менее формализованных, но более эффективных и жизнеспособных объединениях или параорганизациях (Большая Семерка/Восьмерка, Большая Двадцатка и т.д.). Последние десятилетия демонстрируют перекося от институционально-групповой структуры принятия региональных и глобальных решений посредством межправительственных организаций к неформальным или индивидуальным формам и механизмам выстраивания мировой повестки дня (имеются ввиду США и их союзники как в лице отдельных государств, так и их блоков).

По данным некоторых влиятельных представителей американского военного истеблишмента (статья «Следующая интервенция» Иво Даалдера и Роберта Кагана, одного из известных американских политологов-неоконсерваторов, написанная еще в августе 2006 года The Washington Post), «с 1989 по 2001 год США применяли военную силу за рубежом восемь раз – в среднем каждые 18 месяцев» [2]. Более того, США с 2009 года всерьез озабочены планами замены малоэффективной ООН вследствие членства в данной организации стран с недемократическим политическим режимом на так называемую Лигу Демократий или Ансамбль Демократий – альянс демократических государств, в том числе западных, во главе с США, для более эффективного регулирования мирового порядка и обеспечения глобальной и региональной безопасности. Именно это предложение связано со стремлением НАТО расширить географию свое-

* Андрюшина Евгения Владимировна, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

го присутствия и стать данной Лигой Демократий. На практике эта идея пока не получила своего воплощения, однако позиция Альянса в отношении политики недемократий остается критичной, особенно в отношении России с начала украинского кризиса. Новый генеральный секретарь НАТО в марте 2014 в речи на конференции Норвежской рабочей партии заявил, что Россия угрожает безопасности и стабильности в Европе [3], вследствие чего Североатлантическому Альянсу необходимо наращивать военную вплоть до ядерной мощи для сдерживания России. Другими словами, геополитические категории, которыми руководствовались США и их союзники до Второй Мировой Войны (удушение в кольцах анаконды и т.д.) актуальны и по сей день.

Таким образом, можно констатировать, что попытки мирового сообщества создать систему международных отношений, основанную на позициях политического идеализма, потерпели крах. Дважды за историю создания универсальных механизмов регулирования мирового порядка.

Очевиден факт неэффективности ООН как межправительственной универсальной организации. Об этом свидетельствует и заранее заданное неравенство государств-членов ООН, пятёрка из которых имеют больше прав, нежели остальные 189 стран. К тому же основным донором в бюджет организации являются США, что не может не сказываться на результатах голосования как в Совбезе ООН, так и на заседаниях Генеральной Ассамблеи. Более того, ООН «задним числом» обеспечивала мандатом США на проведение миротворческих операций в Ираке и Сербии. ООН постепенно выродилась в бюрократизированную структуру, существующую для самовоспроизведения.

Однако по уже сложившейся за 70 лет традиции к данной организации апеллируют государства – члены, МНПО, региональные МПО как к высшему арбитру, последней инстанции. В том числе и Россия, стоявшая у истоков создания ООН и имеющую право вето в ядерной пятёрке. Именно этот механизм позволил России, например, не допустить военной операции западных стран-союзников, целью которой стало бы свержение правящего режима. Следует отметить, что, представители российской политической элиты неоднократно подчеркивают идею о поддержке легально-правовых механизмов регулирования мирового порядка, главенствующей роли ООН в глобальных процессах, многополярности мира.

В целом, современная Россия за последнюю четверть века лет серьезным образом претерпела изменения своих позиций на мировой арене: от сверхдержавы до слабого государства в эпоху президентства Б. Ельцина.

Новый виток усиления российских позиций начался с известной речи В. Путина в Мюнхене в 2007 году, в которой Президент РФ неоднозначно заявил о намерениях России проводить независимую внешнюю политику [4]. Безусловно, смена внешнеполитической стратегии связана с персоной политического лидера.

Идеологический фундамент внешней политики современной России легализован в таких программных стратегических документах, как Военная доктрина РФ от [5], Концепция внешней политики от 12.02.2013, Стратегия национальной безопасности до 2020 г. от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) и ряд других документов (например, Доктрина информационной безопасности). Примечательно, что целенаправленная работа российского государства по выстраиванию внешнеполитической стратегии, а не действий в режиме *post factum* на протяжении последнего десятилетия прошлого века, приходится на начальный период президентства В. Путина. А именно: комплекс документов в области внешней политики и безопасности был выработан в течение 2000–2001 годов (принята Концепция национальной безопасности, Военная доктрина, Концепция внешней политики, Доктрина информационной безопасности).

Согласно положениям обновленной Военной доктрины РФ, Россия заинтересована в расширении взаимодействия со странами БРИКС, развития отношений с Южной Осетией и Абхазией. Традиционным для современного российского государства является укрепление и поддержание лидерских позиций на постсоветском пространстве – пространстве СНГ.

Что касается современных для России угроз, основными признаются ситуация на Украине, события в Сирии, Ираке, Афганистане, севере Африки, расширение НАТО на восток, ставшая уже традиционной террористическая угроза.

С начала нового тысячелетия РФ постоянно сталкивается с попытками США и их союзников подорвать усиление российских позиций в военно-оборонной, экономической, гуманитарной сферах в виде целого ряда вызовов: цветных революций, Пятидневной войны в августе 2008 года, создания и существования на постсоветском пространстве прозападно ориентированных блоков (ГУАМ), информационных кампаний против России.

Последние действительно серьезным образом подрывают отношение к нашей стране если не мирового сообщества, то многих стран и международных объединений. Стоит вспомнить информационную войну, объявленную с легкой руки США во время грузино-югоосетинского конфликта. Информационное сопровождение западными СМИ указанных событий сводилось к представлению РФ агрессором, вследствие чего имидж государства значительно ухудшился даже после признания российских действий правомочными созданной ЕС *Международной комиссией по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе в августе 2008 года*. В результате, с геополитической точки зрения Россия «набрала очки» во внешнеполитической игре против Грузии и ее западных союзников, с гуманитарной – проиграла.

Подобная схема используется и сегодня при освещении ситуации на Украине. По данным исследовательской компании Pew Research Center, которая провела опрос в 44 странах мира в период с 17 марта по 5 июня 2014 года, отношение к России резко ухудшилось в Совбезе ООН. Данные были взяты по государствам ядерной пятерки, а также по странам, избранным на двухлетний срок (в 2013 году – Южная Корея, Пакистан, Аргентина; в 2014 году – Южная Корея, Аргентина, Иордания, Чили, Нигерия). «Если в 2013 году баланс в целом был положительный, то в 2014 – ухудшился более чем в два раза и стал отрицательным» [6].

В целом, восприятие России изменилось в негативную сторону в рамках практически всех формальных и неформальных организаций (ООН, Большая Семерка, Большая Двдцатка), положительную динамику продемонстрировала только БРИКС. И этот факт показателен по двум причинам: во-первых, России необходимо не формально, а реально заниматься реализацией государственной информационной политикой, направленной в том числе на международных акторов, во-вторых, РФ движется в тренде усиления своего присутствия в эффективно действующих организациях, таких как БРИКС, а не структурах, уже отмирающих или существующих номинально.

Что касается усилий РФ по созданию и поддержанию своего внешнеполитического имиджа, то определенные шаги предпринимаются со второй половины 2000-ых годов. В 2005 г. заработал первый российский информационный канал, вещающий по всему миру на иностранных языках – Russia Today, его аудитория составляет около 430 млн человек в более чем 100 странах. Активно развивались и развиваются различные площадки – от политических (проведение саммитов международных организаций и клубов: Большой восьмерки в 2006, АТЭС во Владивостоке в 2012) до спортивных (Зимняя Олимпиада в Сочи 2014, чемпионат мира по футболу 2018) и музыкальных (Евровидение в 2008). Особенно эффективной, по мнению экспертов, является «форумная» часть политики по улучшению имиджа России (Петербургский международный экономический форум, Красноярский экономический форум)

На протяжении последних десяти лет в Правительстве РФ периодически возникала идея систематизировать работу по улучшению имиджа страны, увязав все мероприятия между собой. На уровне Минэкономразвития России в 2005 г. была утверждена Программа по улучшению инвестиционного климата и созданию и поддержанию положительной инвестиционной репутации России в иностранных государствах и план мероприятий. Впоследствии был подготовлен проект ведомственной целевой программы по имиджу. Неоднократно обсуждался вопрос создания специального ведомства или института, который бы занимался вопросами улучшения имиджа России за рубежом. Но завершить работу по стратегическому оформлению политики в области выстраивания и поддержания имиджа России пока не удалось [7].

Второе направление – членство России в международных объединениях, представляется более эффективным и жизнеспособным направлением внешнеполитической активности. Как уже отмечалось, РФ является государством-основателем и членом ООН, ядерной державой.

В этом качестве Россия участвует не только в межправительственных структурах (МАГАТЭ с 1957 г.), но и таких клубах, как Комитет Цангера и Группа ядерных поставщиков. Данные образования объединяют государства – ядерных экспортеров и составляют неформальную, но вполне действенную часть архитектуры режима ядерного нераспространения, так как по договоренности могут не поставлять ядерные материалы в государства-нарушители режима. Не стоит забывать и о двустороннем российско-американском взаимодействии по ядерному разоружению, насчитывающему практически полувекую историю.

В общем, Россия сегодня участвует в 16 межправительственных организациях и клубах (для сравнения США – в 64!). Особое значение уделено постсоветскому пространству, как уже было отмечено, а также БРИКС и ШОС. Данные векторы актуализировались после того, как Россия прекратила членство в Большой семерке в 2014 году в связи с событиями на Украине. Надо заметить, что участие нашего государства в данном клубе насчитывает недолгую историю, к тому же представляется, что Большая Восьмерка была менее эффективной структурой по сравнению с Семеркой именно вследствие участия в ней РФ.

Среди влиятельных, но неформальных клубов, задающих тон развитию региональных и мировых процессов, выделяют также так называемые латентные параорганизации – Бильдербергский клуб, Трилатераль. Информация о реальных интересах и деятельности членов данных образований весьма закрыта, известно, что участниками являются представители мировой финансовой, политической, информационной элиты. Существуют факты принадлежности к этим клубам и представителей российской политической элиты и бизнеса, однако в данном случае следует говорить о представительстве не российских, а скорее частных индивидуальных интересов россиян-членов клубов.

Очевидно нарастание положительных тенденций в рамках взаимодействия государств – членов БРИКС, которые не только поддержали Россию в связи с украинским кризисом, но и предприняли ряд мер по созданию альтернативной ВМФ и Всемирному банку финансово-экономической организации (Нового банка развития БРИКС) и договора о создании пула условных валютных резервов.

В целом следует констатировать серьезную трансформацию отношений России как с отдельными западными государствами, так и европейскими межправительственными организациями после начала украинского кризиса.

Отношения с ЕС и НАТО являются моментальным отражением политических ориентиров США и их европейских союзников. К примеру, взаимодействие Совета Россия-НАТО приостанавливается, как только отношения между РФ и США ухудшаются. Последний раз НАТО объявило о своем прекращении сотрудничества с Россией 1 апреля 2014 года, мотивировав это политикой РФ в отношении Украины и присоединением Крыма. Прежняя приостановка была связана с участием РФ в грузино-югоосетинском конфликте в августе 2008 г.

С Европейским Союзом у России в постсоветский период установились скорее прагматичные отношения, основанные на поставке России энергоресурсов в страны ЕС, а также торговых отношениях. Однако экономическая сфера всегда политизирована и находится в прямой зависимости от политической воли, яркой демонстрацией чего являются многочисленные санкции в отношении российских чиновников и политиков, компаний, банков начиная с 2014 г.

Основным потребителем российских энергоресурсов являются европейские страны. 30 октября 2000 года состоялся шестой саммит ЕС-Россия, результатом которого было решение о создании Энергетического диалога на постоянной основе между Евросоюзом и Россией.

Совместно Россия и Евросоюз реализовали ряд крупных проектов, таких как «Дружба», «Северный поток», «Южный поток», «Ямал – Европа» и другие и тем самым создали развитую нефтегазовую сеть, по которой в Европу транспортируется большой объем энергоресурсов. Реализуется проект «Дорожной карты сотрудничества России и ЕС в сфере энергетики до 2050 года», в рамках которого РФ и ЕС стремятся иметь общий энергетический рынок.

Вызовами для эффективного российско-европейского взаимодействия в области энергетики стали конфликты России с Украиной (Газовые войны, современный кризис на Украине,

существенно поменявший вектор развития отношений РФ со странами Западной Европы и США), вследствие чего Россия намерена развивать сеть нефте- и газопроводов для снабжения государств Юго-Восточной Азии (совместный российско-китайский трубопровод «Сила Сибири»), а также усилить взаимодействие с неевропейскими партнерами в энергетической сфере (российско-турецкий проект строительства морского газопровода).

Несмотря на участие России в таких европейских межправительственных организациях, как Совет Европы и ОБСЕ, говорить о значительном влиянии РФ на принятие решений в данных структурах не приходится, в том числе по причине «слабости» этих объединений. ОБСЕ не в состоянии выполнить свои основные задачи, такие как обеспечение безопасности путем дипломатических усилий по предотвращению конфликтов. К тому же ОБСЕ можно рассматривать как очередной инструмент американской политики. Совет Европы постоянно критикует Россию за чеченские кампании, энергетическое давление на страны Западной Европы, систематическое нарушение прав человека РФ.

28 января 2015 года ПАСЕ подтвердила полномочия российской делегации, но приостановила её право голоса до апреля. В ответ российская делегация приостановила деятельность в ПАСЕ до конца года [8]. 25 мая 2014 Совет Европы года отменил все запланированные мероприятия в России.

Осложнение отношений с западным миром позволило России усилить свое взаимодействие в рамках СНГ.

К уже существующим организациям в рамках Содружества (ОДКБ, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз) добавился и Евразийский экономический союз — действующий с 1 января 2015 года экономический союз государств Таможенного союза и Единого экономического пространства: России, Белоруссии, Казахстана и Армении. Россия также является оплотом Союзного государства России и Белоруссии, однако на данный момент говорить о серьезных перспективах развития подобного образования даже в рамках конфедерации пока рано.

Итак, за последние десятилетие произошла существенная трансформация геополитической роли современного российского государства в мировой политике. Россия, оставаясь в начале 90-ых годов слабым государством фактически с единственным ресурсом, ядерным, сумела вновь завоевать статус пусть не глобальной, но региональной державы на постсоветском пространстве. Признавая идею и многополярности мира и о плюральном акторе принятия глобальных и региональных решений, Россия интегрирована как в межправительственные, так и в неформальные организации, уже давно являющиеся по сути центрами принятия решений и использующие МПО как инструмент для легитимации и легализации этих решений. Придерживаясь норм международного права и призывая всех членов мирового сообщества руководствоваться ими, на глобальном уровне через механизмы Россия с 2000-ых годов активно использует право вето для противостояния проектам американской администрации и ее союзников в реализации их планов «демократизации мира», а также ослабления российского влияния, в том числе на постсоветском пространстве. Необходимо признать, что современная Россия, несмотря на сложную сложившуюся ситуацию в отношениях с западными партнерами, по-прежнему старается проводить независимую внешнюю политику, подтверждая тезис о сохранении статуса сильного государства как влиятельного актора мировой политики наряду с нетрадиционными субъектами современного мира.

Литература:

- [1] См., например, работы Brillard Ph., Djalili M.-R. *Les relations internationales*. P., 1988.; Huntzinger J. *Introduction aux relations internationales*. P., 1988.; Keohane R. & Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, 1977.; Rosenau J. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, N.J. 1990.; Senarclens P. *La politique internationale*. P., 1992.; Slaughter A.-M. *A New World Order*. Princeton and Oxford. 2004.; Zorgbibe Ch. *Les organisations internationales*. P., 1991.

Материалы из INTERNET:

- [2] <http://vlasti.net/news/39761> от 14.03.2009 (03.03.2015)
- [3] <http://www.aftenposten.no/nyheter/iriks/politikk/Stoltenberg-med-hard-Russland-kritikk-7515432.html> (03.03.2015)
- [4] Речь В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Текст с сайта Президента РФ
http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (05.03.2015)
- [5] Указ Президента РФ от 5 февраля 2010 года № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. — № 146. — 10 февраля 2010 года. <http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html> (05.03.2015)
- [6] Статья Н. Хвыля-Олингер. Россия в международных организациях: баланс меняется.
<http://rusrand.ru/events/rossija-v-mezhdunarodnyh-organizatsijah-balans-menjaetsja> (05.03.2015)
- [7] Журнал промышленник России. Июнь 2012. Имидж России: витрина страны.
<http://www.promros.ru/magazine/2012/jun/imidzh-rossii-vitrina-strany.phtml> (05.03.2015)
- [8] https://ru.wikipedia.org/wiki/Россия_и_Совет_Европы#2015_.D0.B3.D0.BE.D0.B4_.D0.B8_.D1.82.D0.B5.D0.BA.D1.83.D1.89.D0.B8.D0.B5_.D1.81.D0.BE.D0.B1.D1.8B.D1.82.D0.B8.D1.8F (05.03.2015)

КРИЗИС НА УКРАИНЕ ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию отображения украинского кризиса в итальянских и французских средствах массовой информации разной политической ориентированности. Интерес европейских журналистов, главным образом, сосредоточен на таких темах, как: отношение к выступлению на Майдане, присоединение Крыма, бои под Донецком, санкции и контр-санкции, поставки вооружения на Украину. На первый взгляд, итальянская пресса пытается создать наиболее объективную, полифоничную и беспристрастную картину происходящего, воздерживаясь от однозначных выводов и оценок. Французская пресса, как правой, так и левой политической ориентированности, является более ангажированной и менее объективной во всем, что касается представления украинского кризиса.*

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС ГЛАЗАМИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРЕССЫ

Кризис на Украине – одна из тем международной политики, которая в последние два года занимает первые страницы не только отечественных, но и зарубежных СМИ. Не исключение – итальянские издания, проявившие удивительное единогласие в обзоре украинских событий, несмотря на разную политическую ориентированность итальянской прессы. Так, для составления наиболее полной картины были проанализированы следующие газеты: *La Repubblica*, (издательская группа «L'Espresso»), *Corriere della Sera*, *Il Giornale*. Первые две принадлежат так называемому «левому» направлению (*della sinistra*) и представляют интересы демократических реформистских партий, последняя является печатным органом «право-центристского направления» (*della centro-destra*), то есть консервативных партий.

Статьи, посвященные кризису на Украине, концентрируются вокруг таких тем, как: отношение к Майдану; санкции и контр-санкции; легитимность присоединения Крыма; проблема Донецкой республики (сепаратисты или борцы за независимость?).

Прежде всего, стоит отметить неплохую информированность итальянских журналистов о происходящем на Украине и их постоянное присутствие «на поле боя». Не случайно в мае прошлого года под Славянском был убит именно итальянский фоторепортер Андреа Рокелли. Кроме того, итальянские статьи часто хорошо проиллюстрированы фотографиями и видеороликами, снятыми на месте событий.

Несмотря на то, что в одном из своих интервью писатель и журналист Тициано Терцани, занимавшийся освещением кризисных и военных событий в разных странах, заметил, что журналист не может быть объективным, к чему так претенциозно стремится, по его мнению, англо-саксонская пресса, именно итальянские газеты, на первый взгляд, стараются дать наиболее объективную картину происходящего на Украине. В италоязычных статьях приводятся беспристрастное, фактологическое описание событий и различные точки зрения на них, представленные в виде цитат различных политологов и СМИ других стран, выдержек из подписанных

* Кацук Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой иностранных языков факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова; Сиднева Светлана Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель МГУ им. М.В.Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения.

договоров, высказываний разных сторон. Причем, итальянские журналисты как будто избегают однозначных выводов и оценок.

В этом смысле показательна запись от 10.02.2014 на личной интернет-странице Федерики Могерини (верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности и министра иностранных дел в правительстве Маттео Ренци) относительно событий на Майдане [1]. Визит на Украину был одной из первых международных миссий Могерини. По жанру эту запись можно было бы назвать эссе на тему украинского кризиса. Стоит отметить заглавие записи – *A Kiev, tra le nebbie di una rivoluzione perduta* (В Киеве, в туманах проигранной революции). Образ тумана лишний раз подчеркивает неясность и неопределенность ситуации на Украине, которой сложно дать однозначную трактовку. Слово *perduta* добавляет двусмысленности в виду своей многозначности – «проигранная» или «потерянная, потерявшаяся». Среди участников «революции» в описании присутствуют, как *giovane ed istruito, guarda ad ovest* (молодой, образованный человек, глядящий на запад), так и *facce meno rassicuranti* (не внушающие доверия лица). С одной стороны говорится о *Russia di Putin* (Путинской России), которая соревнуется с «Западом», с другой стороны выражаются сомнения в эффективности нового украинского правительства, которое *chissà quando verrà, se verrà* (кто знает, когда придет или придет ли вообще). Наконец, последняя фраза статьи подвергает сомнению успешность мероприятия, в целом: *L'Ucraina sembra in trappola, persa nella nebbia di una strana rivoluzione* (Кажется, Украина в ловушке, она потерялась в туманах некой странной революции).

Подобный, почти «пост-модернистский» прием «открытого финала», тем не менее, имеет определенную функцию. Если обратиться к лексике и терминологии других статей, даже к их синтаксису и пунктуации, они как раз позволяют выделить некоторую позицию, скрытую за видимой полифонией мнений.

Газета *Il Corriere* опубликовала в одном из своих номеров любопытный «военный словарь», показав, как одни и те же термины (*i Filorussi* ‘сторонники России’, *la Repubblica popolare di Donetsk* ‘Народная Донецкая Республика’, *Maidan, gli Uomini verdi* ‘Зеленые человечки’) могут интерпретироваться с разных точек зрения. Большинство терминов снабжено иллюстрацией в виде фотографии. Приведу пример из «словарной статьи», посвященной сторонникам Донецкой республики [2]: *Filorussi, chiamati anche prorussi, ribelli, separatisti, e, nelle comunicazioni di Kiev, terroristi* (Сторонники русских, называемые также прорусские, повстанцы, сепаратисты, а в киевских СМИ – террористы). В первой строке статьи ссылка на киевские СМИ в отношении самой резкой интерпретации слова как бы подчеркивает субъективность такой формулировки, которую итальянцы не разделяют. Вместе с тем, употребляя термин *ribelli* (повстанцы) рядом с выражениями *lotta per la libertà* (борьба за свободу), газета *La Repubblica* придает ему более позитивное звучание. В целом, донецких ополченцев в итальянской прессе чаще называют *filorussi*, чем *separatisti*, причем первый термин не несет в себе негативного оттенка, иногда даже наоборот. Однако и противники повстанцев тоже почти всегда обозначаются нейтральным словом *soldati ucraini* (украинские солдаты). Право-центристская газета *Il Giornale* в статье *Quegli italiani a Donetsk per curare o lottare?* (Итальянцы в Донецке чтобы лечить или воевать?) пишет о присутствии итальянцев в Донецке, причем как «врачей без границ» в рамках гуманитарной миссии (в основном на стороне войск украинского правительства), так и военных-добровольцев (на стороне ополченцев) [3]. Итальянцы традиционно стремятся взглянуть на проблему с разных точек зрения. Но в статье проявляется еще один ракурс, с которого итальянские СМИ смотрят на украинский кризис. Нередко он подается, как конфликт между Россией и США, новый виток холодной войны. Италия в этом конфликте выражает скорее позицию противника «монополярного» мира, сторонниками которого в массовом итальянском сознании представляются американцы, тогда как Россия воспринимается как своеобразный «противовес». В этой статье и многих других итальянских СМИ проводятся параллели с конфликтом в бывшей Югославии. Показательно высказывание одного из итальянских добровольцев (бывшего агрессивного болельщика футбольной команды г. Лукка), приведенное в статье: он утверждает, что приехал на Украину *combattere il mondialismo a stelle e strisce* (бороться со звездно-полосатой глобализацией).

Открытую симпатию к Донецкой народной республике проявляют представители *Legha Nord* (Лига Севера), итальянской политической партии, стремящейся к независимости северных, более индустриально развитых, провинций Италии от «римской бюрократии» и «отсталого» Юга. Поэтому не случайно среди добровольцев на стороне ДНР оказался Габриеле Каругати, по прозвищу Архангел, мать которого является секретарем Лиги в городе Варезотто. На первый взгляд, персонажи, описанные в статье, кажутся малопривлекательными. Не без сарказма обрисован, например, упомянутый выше доброволец из Лукки с татуировками в виде ликторского пучка (эта татуировка свидетельствует о принадлежности ее носителя к организации неофашистского толка) и православного креста. Тем не менее, лексика, обозначающая подобных «любителей приключений» остается нейтральной. Их почти никогда не называют «наемниками», но – *volontari* (добровольцами).

Когда речь идет о референдуме в Крыму, итальянская пресса использует два термина, которые иногда встречаются в одной и той же статье – *annessione* (аннексия, присоединение, поглощение) и *adesione* (присоединение, согласие, членство). Как видно из приведенных в скобках переводов терминов, значение слов может пересекаться, хотя первое чаще употребляется в негативном контексте, второе – в позитивном.

В статье из газеты *La Repubblica* “Ucraina, prime sanzioni contro Mosca. Crimea spinge per l’annessione alla Russia” (Украина, первые санкции против Москвы. Крым движется к аннексии Россией) от 06.03.2014 в заголовке статьи используется слово *annessione*, в самой статье – *adesione*. Примечательно, что слово *illigittima* (незаконная) взято в кавычки. Выражение *aggressione russa* (русская агрессия) появляется в цитатах высказываний Б. Обамы и американских политиков [4].

В статье из *Il Giornale* «Crimea, Putin firma l’annessione. Kiev il trattato d’associazione all’Ue» (Крым, Путин подписывает акт об аннексии, Киев – соглашение о сотрудничестве с Евросоюзом) последовательно употребляется термин «аннексия», но там же автор пишет о том, что «референдум, на котором население опросили, не желают ли они отсоединиться от Киева, завершился сокрушительной победой тех, кто был «за», несмотря на полемику Европы и США, которые не признают его законным» (*si era tenuto il referendum che aveva chiesto agli abitanti se desiderassero staccarsi da Kiev, conclusosi con una vittoria schiacciante dei “si”, tra le polemiche di Europa e Stati Uniti, che non ne riconoscono la legittimità*) [5]. В этой же статье в кавычках приводятся высказывания американских, английских или французских политиков, призывающих к санкциям или негативно комментирующих действия России. Прочитав абзац, описывающий реакцию Евросоюза и Англии: *L’Unione Europea* ha aggiunto 12 nomi, che il presidente francese François Hollande ha definito «di altissimo livello», a un elenco di 21 persone già sanzionate. Il presidente della Commissione europea, José Manuel Barroso, ha promesso nuove misure in caso di un’ulteriore escalation e il premier inglese David Cameron ha sottolineato che entrerebbero in vigore «ad esempio, se le truppe russe entrassero nella parte Est dell’Ucraina» (Евросоюз добавил 12 человек, которых французский президент Франсуа Олланд обозначил как лиц «высшего звена», к списку, состоящему из 21 представителей РФ, на которых распространяются санкции. Президент Еврокомиссии, Хосе Мануэль Баррозо, пообещал новые меры в случае дальнейшей эскалации, а английский премьер Дэвид Кэмерон подчеркнул, что новые санкции вступят в силу, если «например, русские войска войдут в Восточную Украину») [5]. Упоминание о реакции Италии отсутствует. Итальянцы «умывают руки» или традиционно занимают выжидательную позицию. Однако, заслуживают внимания комментарии к статье, пусть даже высказанные «кухонными» или «диванными» политологами, которые являясь читателями *Il Giornale*, так или иначе выражают позицию электората правых партий. Их высказывания изобилуют фразами: *infatti trattasi di adesione e non di annessione* (на самом деле речь идет о присоединении, а не об аннексии), *fa bene Putin* (Путин поступает правильно), *mi sembra tutto perfettamente regolare* (мне кажется, что все законно), *Obama scherza con il fuoco* (Обама шутит в огне), *gli americani vogliono comandare tutti* (американцы хотят всеми командовать).

Довольно хорошо прослеживается позиция итальянской прессы в отношении санкций и контр-санкций. В статье *Quanto ci costa Vladimir Putin?* из *L’Espresso* (Во сколько нам обойдется

Владимир Путин?) итальянцы недвусмысленно выразили свою обеспокоенность последствиями украинского кризиса для итальянской экономики, поскольку в Россию продавались до наложения эмбарго итальянская сельскохозяйственная продукция, изделия легкой промышленности, технологии. Вместе с тем, в статье говорится о *doppia dipendenza* (взаимозависимости России и Италии) в области поставок газа и секторе энергетики. С одной стороны, прекращение поставок газа из России рассматривается, как «настоящий кошмар для Италии»: *Ma a terrorizzare davvero, in prospettiva, è la chiusura del rubinetto energetico* (На самом деле страшно представить перспективу закрытия энергетического крана). С другой стороны: *Anche la Russia però non ha interesse a interrompere il flusso, non se lo può permettere, le vendite di gas rappresentano tra il 7 e l'8 per cento del Pil. Dipendiamo gli uni dagli altri: loro hanno l'energia, noi la tecnologia* (России тоже невыгодно прерывать поставки, она не может себе этого позволить, продажа газа составляет от 7 до 8 процентов ВВП. Мы зависим друг от друга: у них есть энергия, у нас – технологии). Статья завершается словами «между тем пушки продолжают грохотать, а денег – все нет» [6]. Несмотря на пессимистический тон статьи, автор не призывает освободиться от энергетической зависимости, а надеется, что «России невыгодно», а значит – отношения будут продолжаться на взаимовыгодных условиях. В этом смысле итальянцы оправдывают свою славу умелых торговцев, которые исторически вели успешную торговлю с самыми разными странами, нередко враждующими между собой.

В других статьях, посвященных контр-санкциям и санкциям, Италия выступает часто как «жертва» затяжного международного конфликта, которая, будучи членом Евросоюза и НАТО, должна следовать основной линии своих союзников, хотя не всегда считает их мере эффективными. Официальная позиция поддерживает введение санкций и их ужесточение, вместе с тем в комментариях к действиям, как со стороны России, так и членов Евросоюза и США употребляются такие термины как *ricatto politico* (политический шантаж), показывающие явно негативное отношение к подобным мерам.

Если говорить о лексико-синтаксических приемах, стоит также отметить тот факт, что такие термины как *occupazione* (оккупация), *invasione militare* (военное вмешательство), *complotto di Cremlino* (заговор в Кремле) иногда употребляются в ироническом контексте и в вопросительных предложениях.

В целом, итальянцы, как уже было отмечено выше рассматривают кризис русско-украинских отношений скорее как противостояние России и США, новую холодную войну, в которой некоторые страны Евросоюза (в частности Италия) оказались между двух огней.

КРИЗИС НА УКРАИНЕ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Война и мир. Война и мир, как отсутствие войны. Война и мир, как взгляд на военные действия со стороны, с той стороны, где жизнь продолжает протекать спокойно и мирно. Попробуем взглянуть на военные действия на Украине глазами французской, довольно ангажированной прессы. Примечательно, что французская пресса, придерживающаяся как левых, так и правых взглядов, выступает практически единым фронтом в вопросах, касающихся кризиса на Украине и использует примерно одинаковый набор языковых средств для выражения своей позиции по отношению к данному острому политическому вопросу.

Говоря о войне на Украине, французские журналисты не столько озадачиваются внутренними экономико-социальными причинами, приведшими непосредственно к военным действиям, сколько используют данную ситуацию для выставления России в негативном свете. Так, в газете «*Aujourd'hui en France*» («Сегодня во Франции») журналист пишет о том, что на востоке Украины, рядом с границами России идут ожесточенные боевые действия. И тут же сообщает, что президент Олланд прикладывает массу усилий, что бы предложить двум странам план выхода из кризиса [8]. У обычных читателей может сложиться мнение, что боевые действия идут

между Россией и Украиной. Хочется напомнить французскому президенту, что Россия не является официальным участником конфликта.

В политическом журнале «*Courrier international*» («Международная почта»), вышедшем в феврале 2015 года, подводятся итоги 2014 года и даются прогнозы развития мировой политической ситуации. Что касается России, то западные политологи советуют *apprendre à vivre avec l'ours russe* (научиться жить с русским медведем) [11, с. 19]. Ну а как иначе, если, по мнению французских журналистов, Европа «проморгала» становление сильной России, уделяя внимание лишь своим внутренним проблемам, не очень заботясь о внешней политике. И теперь основную опасность, как считают авторы журнала «*Courrier international*», для Европы представляет *Vladimir Poutine et son annexion de l'Ukraine* (Владимир Путин и его аннексия Украины). Однако европейцы четко осознали и открыто говорят в прессе о том, что они не готовы воевать за интересы Украины, даже если *Poutine ne cédera pas la Crimée* (Путин не вернет Крым) [11, с. 19]. Очень четко прослеживается во французской политической прессе тревога по поводу сплочения вокруг России Евроазиатского союза. Западные политики даже мысли не могут допустить о том, что Украина с 45 миллионным населением может стать членом этого союза [11, с. 20]. Именно поэтому на бывшего президента Януковича в конце 2013 года было оказано давление со стороны Европейского союза, приведшее впоследствии к его свержению.

Сегодня французские политологи говорят о трех основных задачах, стоящих перед Европой на 2015 год: во-первых, после нескольких лет спокойной жизни, необходимо увеличить расходы на оборону, во-вторых, нужно диверсифицировать источники энергии, чтобы европейская экономика не была очень зависима от поставки российских энергоносителей, и в третьих, необходимо продлить, а возможно еще усугубить, санкции против России. Такое впечатление, что наши зарубежные партнеры, вроде бы и хотели громко хлопнуть, закрыв «окно в Европу», но не получается – денег на увеличение расходов на оборону нет, энергоносители российские нужны, ну так хоть санкции наложим, пусть даже и с взаимоневыгодным эффектом.

Одно остается неясным – как все это сможет разрядить обстановку на Украине? Хотя, по большому счёту, европейцам абсолютно все равно, что будет с Украиной, как государством, они даже не вполне четко представляют, где конкретно находится эта страна. Вспоминаю ситуацию, сложившуюся несколько лет назад во время моей работы с французскими студентами. На занятии по практике русского языка как иностранного мы читали статью газеты «Аргументы и факты», в которой упоминалась Украина. В то время об этом государстве практически ничего не говорилось во французской прессе и мои подопечные спросили: «а где собственно находится это государство?». Подробные описания географического положения Украины не увенчались успехом, необходимо было найти определенную геополитическую реалию, связанную с этой страной, и я не нашла ничего лучше, чем сказать, что Украина – это там, где Чернобыль. И это сработало, французским студентам сразу стало понятно, где конкретно находится Украина.

Говоря о сегодняшнем состоянии дел, французские журналисты с сожалением отмечают, что, не смотря на *l'agression de Poutine en Ukraine* (агрессию Путина на Украине), у России еще остаются традиционно пророссийские друзья – Венгрия, Кипр, Болгария. Эти страны являются своеобразным противовесом негативно настроенным в отношении России Польше и странам Прибалтики [11, с. 19]. Примечательно, что прибалтийские республики в сознании европейцев представляют собой некую единую территорию, расположенную где-то между Евросоюзом и Россией. Во франкофонной политической прессе очень редко можно встретить конкретные названия стран – Латвия, Литва, Эстония, чаще это просто размытое понятие «страны Балтии», или «бывшие советские балтийские республики». Удивительно, что во французской прессе нет информации о возрождении в этих республиках фашистских движений. Более того, создается впечатление, что это происходит с молчаливого согласия европейцев. Единственное о чем беспокоятся французские политики, это о том, что Россия громко заявила о желании защищать русских по духу и по крови за пределами своей страны. Именно это и ставится в упрек российскому президенту, который, оказываясь, не имеет права открыто выражать поддержку русскому населению, будь то на востоке Украины или в странах Балтии. При этом французскому президенту не

отказано в праве не просто вмешиваться во внутренние дела государств, находящихся за тысячи километров от Франции (например, Мали), но и вести на их территории боевые действия [9].

Италия и Германия рассматриваются французами как государства, с которыми Россия старается, и не без определенных успехов, поддерживать дружественные отношения, что бы также уравновесить однозначно негативные выпады со стороны Польши и прибалтийских республик. Данная ситуация объясняется довольно длительным и взаимовыгодным экономико-политическим сотрудничеством основных европейских государств с Россией. Что же касается Франции, то выражая свою поддержку Украине, президентом Олландом было принято решение перенести на более поздний срок отправку в Россию построенных для нужд ее армии кораблей «Мистралей». Полагаем, что руководство Украины ожидало несколько иной поддержки от Франции. Но у французов в настоящий момент очень сложная экономическая ситуация. Отказ предоставить вовремя оплаченные Россией корабли вызвал бурю протестов со стороны профсоюзов, которые вывели на улицы десятки тысяч недовольных санкционной политикой французских граждан. Популярность президента Франции сегодня находится, по мнению французских журналистов, на рекордно низком уровне [10]. Играя роль «миротворца», Франсуа Олланд, видимо, не прочь попытаться отвлечь граждан своей страны от собственных насущных проблем, а также приподнять свой низко упавший рейтинг. Однако, по мнению тех же журналистов, эти попытки, скорее всего, обречены на провал.

Все чаще в Европе встает вопрос оказания военной помощи Украине. Нужно заметить, что в отличие от американцев, европейские политики боятся давать оружие не вполне дееспособной и профессиональной украинской армии. В газетных статьях, например, не раз отмечалось, что украинская армия не смогла воспользоваться своими вооруженными воздушными силами, которые были практически все уничтожены с земли. Неумение регулярной армии обращаться с оружием привело к большим потерям вооружения, восстановить которые украинское правительство не в состоянии из-за отсутствия средств [7]. Вторая проблема, которая остужает некоторые горячие головы европейских политиков, ратующих за оказание военной помощи Украине – это сильная боязнь спровоцировать Россию на более активные действия [12].

Рассказывая о военных действиях в центре Европы, французская пресса практически не иллюстрирует их аутентичными фотографиями с места событий, очевидно, опасаясь, что картинка не совпадет с официальным представлением украинского кризиса европейским читателям. Выбирая содержательное оформление статей, французские журналисты всегда употребляют нейтральные выражения по отношению к украинским силовикам: *des soldats ukrainiens* (украинские солдаты), *l'armée régulière ukrainienne* (украинская регулярная армия). Отряды ополченцев на востоке Украины однозначно называют *les séparatistes appuyés par Moscou* (сепаратисты, поддерживаемые Москвой), *les rebelles séparatistes prorusses* (мятежные пророссийские сепаратисты), *unités rebelles* (повстанческие группировки) [8, 11, 12].

Не остался в стороне от войны на Украине и печально известный французский журнал *Charlie Hebdo* [13] Журнал остался верен своим далеко не лучшим традициям и сделал кощунственную карикатуру на перемирие в Донбассе: авторы журнала изображены за работой на развалинах домов, где они рассуждают, о том, что скука охватила Донецк и здесь явно не хватает карикатур. Надо отметить, что на официальном сайте в архиве не оказалось именно этой карикатуры, однако ее можно легко найти в других Интернет-источниках [14].

Исключением среди французских политиков, которые либо замалчивают вопрос кризиса на Украине, либо голословно обвиняют во всем Россию, является Марин Лё Пен – представитель набирающей популярность партии *Front National* (крайне правое политическое направление). Госпожа Лё Пен открыто осуждает кризис на Украине, говоря о бомбардировках и многочисленных жертвах среди мирного населения, об информационной блокаде, устроенной европейскими средствами массовой информации. Марин Лё Пен утверждает, что поспешная ассоциация Украины с ЕС является ошибкой, поскольку правительство в этой стране нелегитимно, а о правах человека на Украине попросту забыли [15].

Подводя итог сказанному, отметим, что образ русского медведя прочно вошёл в лексикон как отечественных, так и западных политиков. Однако воспринимается он по-разному. Европа

лишь опасается силы, присущей этому зверю. Ну а в России традиционно представление о медведе – хозяине своей территории, за которую он не собирается выходить, но посягательства на которую он жестко пресекает. Желая *apprendre à vivre avec l'ours russe* (научиться жить с российским медведем) европейцам необходимо более внимательно присмотреться к характеру «российского медведя» и увидеть в нем не только те черты, которые им хочется, но и то, что существует на самом деле.

Источники:

- [1] *Mogerini F.* A Kiev, tra le nebbie di una rivoluzione perduta. – http://www.blogmog.it/index.cfm?target=diario&id_diario=234&title=A%20Kiev,%20tra%20le%20nebbie%20di%20una%20rivoluzione%20perduta (10.03.2015)
- [2] *Morani I., Serafini M.* Sigle e forze nel campo, il glossario delle guerre // Corriere della Sera. – http://www.corriere.it/esteri/14_agosto_25/sigle-forze-campo-glossario-guerre-4aeec3dc-2c41-11e4-9952-cb46fab97a50.shtml (20.03.2015)
- [3] *Biloslavo F.* Quegli italiani a Donetsk per curare o lottare // Il Giornale. – <http://www.ilgiornale.it/news/politica/quegli-italiani-donetsk-curare-o-lottare-1091213.html> (09.02.2015)
- [4] Ucraina, prime sanzioni contro Mosca. Crimea spinge per l'annessione alla Russia // La Repubblica. – http://www.repubblica.it/esteri/2014/03/06/news/ucraina_renzi_alla_prova_del_consiglio_ue_convocata_riunione_onu_-80329233/ (12.03.2015)
- [5] Putin ha firmato l'annessione della Crimea alla Russia // Il Giornale. – <http://www.ilgiornale.it/news/esteri/putin-ha-firmato-lannessione-crimea-russia-1003607.html> (30.02.2015)
- [6] *Maggi M., Vergine S.* Quanto ci costa Vladimir Putin ? // L'Espresso. – <http://espresso.repubblica.it/plus/articoli/2014/09/05/news/quanto-ci-costa-vladimir-putin-1.178941>
- [7] *Despic-Popovic H.* De Donetsk à Kiev : « Donnez pour l'armée ukrainienne ! » – Libération. – № 10483. – samedi 31 et dimanche 1er février 2015. – pp. 4 – 5.
- [8] *Djamshidi A., Gerschel F.* Avec Merkel, en première ligne en Ukraine. – Aujourd'hui en France. – № 4833, vendredi 6 février 2015. – pp. 4-5.
- [9] *Forestier P.* Malie. Les forces spéciales françaises passent à l'attaque. – Paris Match, № 3418. – 20-26 novembre 2014. – pp. 88 – 97.
- [10] *Pedder S.* Météo Marine.- Courrier international , décembre 2014 – février 2015 . – p. 22.
- [11] *Peet J.* Apprendre à vivre avec l'ours russe . – Courrier international . – décembre 2014 – février 2015 . – pp. 19 – 20.
- [12] *Semo M.* Ukraine : l'Occident la peur au fusil. – Libération. – № 10483. – samedi 31 et dimanche 1er février 2015. – p. 3.
- [13] <http://charliehebdo.fr/>
- [14] <http://russian.rt.com/article/77003>
- [15] <http://www.marinelepen.fr/2014/10/la-procedure-acceleree-pour-laccord-dassociation-ue-ukraine-est-une-grave-violation-du-processus-democratique/>

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ

***Аннотация.** В статье исследованы причины политического кризиса в Украине, рассмотрены механизмы политического структурирования, систематизированы основные причины, по которым начавшиеся демократические преобразования не могут достигнуть своей главной цели – консолидации демократии. Отмечено, что недостаток национального сознания, низкий уровень политической культуры, чрезмерные амбиции лидеров и их стремление к власти как средству личного обогащения моделируют конфликты деструктивного характера, угрожают деконструкцией политической системы и уничтожением национального государства. Указано, что следствием политического кризиса может стать новая революция, которая приведет к изменению не только формы правления и системы ценностей, но и к потере государственности, пополнению Украиной списка «падающих государств». Предложены свое видение урегулирование конфликта.*

***Ключевые слова:** политический кризис, консолидация демократии, выборы, система управления, органы государственной власти, политический конфликт.*

Политический кризис в Украине в настоящее время является предметом обсуждения мировой политики. Конфликт, который сейчас играет такую важную геополитическую роль, был прогнозируем. Ученые и политики, которые занимались исследованием политических процессов в Украине, общественно-политической обстановки в государстве, анализом последствий, принятых политических государственных решений, тенденций по изменению вектора геополитического развития, методов взаимодействия власти и оппозиции, в своих трудах указывали на повышенную конфликтогенность, на опасное приближение к точке «невозврата».

Особенностью политических конфликтов в Украине является то, что они происходили в среде самой власти за обладание реальными ее рычагами. Роль власти в конфликтах, возникающих в неполитических сферах, но которые напрямую или косвенно затрагивают основы существования этой власти, исключительно велика.

Основные виды политических конфликтов в Украине, которые имели явный характер, затрагивали почти весь спектр таких конфликтов: между ветвями власти, в т.ч. В процессе становления института президентства; внутрипарламентский; между политическими лидерами; между партиями; внутри государственно-административного аппарата. Ситуация осложнялась тем, что все эти политические конфликты накладывались друг на друга.

Зародившийся в атмосфере напряженности в отношениях между оппозиционными сторонами по причине несовпадения позиций в отношении модели и вектора государственного развития, использованный некоторыми недружественными к славянскому народу геополитическими акторами, целью которых является мировое господство, конфликт перестал быть управляемым. Он показал несостоятельность украинской власти на этапе развития конфликта законными методами обеспечить снижение напряженности в отношениях сторон, побуждения их к мирному примирению позиций, установлению демократических норм и правил взаимодействия, недопущения его распространения в обществе.

---

* Росенко Мария Ивановна, д.н. государственного управления, доцент, и.о. декана экономики и управления. Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе.

Социально-политическая напряженность, вызванная результатами выборов 2006, 2012 года, усилилась напряженностью, обусловленной тем, что оппозиционные политические силы, владеющие, практически, половиной мест в парламенте, выбрали путь непримиримой оппозиционной борьбы с применением различных технологий управления массами, носящими деструктивный характер. Как мы помним, применялись бойкотирование институтов власти, неоднократно были спровоцированы внеочередные выборы, в ультимативной форме были созданы условия для неоднократной смены системы управления в государстве – от президентско-парламентской к парламентской и снова, практически, к президентской.

Говоря о легитимности власти, как об одном факторе напряженности, хотелось бы обратить внимание на укрупненные данные по выборам 2012 года. В многомандатном избирательном округе из 21 партии преодолели избирательный барьер только 5, которых поддержали получили 18991017 избирателей. Непредставленными остались 1397002 голосов избирателей, поддержавших партии, которые не преодолели избирательный барьер. Из выдвиненцев от 82 партий получили мандаты представители 9, из которых только 4 получили мандаты в многомандатном избирательном округе (Партия регионов, УДАР, Батькивщина, Свобода). Из партий, которые выдвигали избирательные списки и кандидатов в одномандатном избирательном округе 1 мандат получила Партия Олега Ляшко, которая не преодолела избирательный барьер, 4 партии получили мандаты в одномандатном избирательном округе, однако в многомандатном избирательном округе не принимали участия по выдвижению кандидатов.

Всего кандидаты в одномандатном избирательном округе, получившие депутатские мандаты, получили 8921200 голосов избирателей (без учета 5 одномандатных избирательных округов, в которых назначено повторное голосование). На получение одного мандата одномандатном избирательном округе приходится в среднем 40550 голосов избирателей, а в многомандатном избирательном округе 84404,52.

В этой связи вполне понятными становятся высказывания о легитимности украинского парламента, если укрупненно оценить результаты выборов: из 36224665 избирателей включенных в списки, не приняли участие в голосовании 20780042, из принявших неучтенными остались голоса 1397002 избирателей [14].

Такая ситуация никак не могла способствовать стабильности. Ситуация в Украине на настоящем этапе является последствиями неудавшегося демократического транзита, т.е демократический транзит не привел к демократии.

Об этом предупреждал А. Пшеворский, характеризуя переход к демократии, «... демократия – не единственный возможный итог процесса перехода» [10, с. 26]: когда приходит конец диктатуре, допустимые различные стратегии развития. Разрушение авторитарного режима может быть повернуто назад или привести к диктатуре нового образца. И даже, если демократическое государство вроде уже состоялось, она не обязательно окажется самоподдерживающемся по причине того, что деятельность демократических институтов иногда может приводить к таким результатам, которые активизируют политическую активность сил, способных подорвать эти институты. Итак, устойчивая демократия есть только один из возможных случаев процесса разрушения авторитарных режимов» [10, с. 31].

В государстве не имеющем опыта демократического строительства неустойчивость демократии объясняют с позиции отсутствия либерального опыта. Как отмечает Ф. Закария, в современном мире наблюдается рост не либерализма, а нелиберальной демократии (или электоральной демократии), при которой избранные народом лидеры подавляют гражданские свободы [6].

Новая система власти, пришедшая в результате политических договоренностей 2004 года [9] стала источником принципиально новых по содержанию политических конфликтов, а политическая деятельность в Украине сведена к межинституциональным конфликтам компетенции [7]. Противостояние власти и оппозиции вылилось в политический конфликт между высшими должностными лицами государства.

Об этом ярко свидетельствовали отношения между Президентом и Верховной Радой (2004, 2006, 2007), между Президентом и Премьер-министром от оппозиционной партии. между Пре-

зидентом и Премьер-министром, которые являлись представителями партий, которые позиционировались политическими соратниками и коалиционерами. Ограничение полномочий Президента по конституционной реформе 2004 года привело к тому, что глава государства утратил возможность реального гаранта Конституции, который бы уравнивал бы ветви власти, являлся бы ключевым звеном в сложной системе властных иерархий. Актуальной причиной конфликта внутри государственно-административного аппарата в Украине стал управленческий кризис как следствие разрушения управленческой вертикали 2005-го года. Замена управленцев среднего звена представителями новой политической команды привела к неуправляемости на местах и во многих центральных органах власти. Конкуренция между Президентом и Кабинетом Министров в назначениях на должности еще больше усложнила ситуацию. Вакуум власти заполнялся лицами, чья деятельность не имеет ничего общего со службой на пользу обществу и государству. Все это повлекло потерю авторитета государственной службы и органов государственной власти [4].

Ситуация в стране показывала и как подтвердили текущие события, используя недостатки конституционной реформы, Основной Закон стали пытаться переделать под самую влиятельную в текущий момент времени элиту. Так был решен вопрос о политической реформе 2004 года, ее ревизии в 2009-2010 году, после смены власти неконституционным путем в 2014 году и летилизации ее путем выборов. Вместе с тем, следует понимать, что можно осуществить любые преобразования, в том числе, как показала практика, и неконституционным путем, но восстановить моносубъектность верховной власти в стране невозможно [8]. К субъектам политики, которые влияют на политические процессы и государственное устройство Украины, в последние годы были высшие судебные инстанции, а в 2014 году к ним были причислены общественные формирования ультра-правого крыла политического спектра, которые не несут политической ответственности за свои действия, но имеют сильное влияние на общественных и политических деятелей, которые должны нести такую ответственность перед народом и последующими поколениями. Если раньше основным влиятельным институтом аудита конституционности принимаемых государственных решений был Верховный Суд, впоследствии – Конституционный, к которому апеллировали органы власти и высшие должностные лица государства, и этот орган как инструмент, влияющий на функцию следствия конфликта, мог реально влиять на историческую судьбу Украины, то теперь этот институт, как и сама Конституция не играют никакой роли в принимаемых решениях. Акценты сместились в сторону уже названных формирований и международных консультантов.

Не имея опыта пребывания в конфликте и выхода из него, Украина оказалась в неослабевающем конфликтном поле. Как известно, в условиях конфликтной политики экономика полностью зависит от политических процессов, а регулирование экономики – от политических интересов. Влияние на политику интересов ведущих бизнес-групп создает дисбаланс в экономическом развитии отдельных регионов, которые они контролируют, и уровне жизни различных социальных групп, что также способствует развитию конфликта. Как отмечает П. Бурдые, «место конкурентной борьбы за власть, которая осуществляется ... за монополию на право говорить и действовать от имени какой-то части или всей совокупности непосвященных» [2, с. 205].

Значимую роль в обострении конфликтов играют средства массовой информации. Гражданское общество в Украине, в его теперешнем состоянии, не способно противостоять негативным действиям власти. Мы наблюдаем только фрагментарные проявления недовольства и только потому, что политическая ситуация в стране угрожает жизни каждому жителю Юго-Востока и лицам призывного возраста, проживающим на всей территории Украины.

Современный политический конфликт в Украине можно определить, как горизонтальный с элементами вертикального режимного конфликта интересов, который имеет признаки внутригосударственного общенационального кризиса, деформирующего структуру общественно-политических конфликтов, трансформируя их из моноконфликтных в сложносоставные.

Как отмечается в исследовании [11], политическое конфликтное поле в Украине не будет нивелировано, пока инициатива не начнет исходить от власти. Политические конфликты в

Украине должны быть ограничены не только по интенсивности, но и по своей продолжительности. Иначе механизмы государственного управления деформируются до такой степени, что не смогут поддерживать баланс общественных интересов. Предупреждения политологов о существующей опасности, что следствием конфликта может стать новая революция, которая приведет к изменению не только формы правления и системы ценностей, но и к потере государственности, – оправдались [3].

Объяснения причин и последствий политических конфликтов на Украине описываются как «недостаток национального сознания, низкий уровень политической культуры, чрезмерные амбиции лидеров и их патологические инстинкты к власти как средству личного обогащения моделируют конфликты деструктивного характера, угрожают деконструкцией политической системы и уничтожением национального государства» [5, с. 9].

Мы согласны такими оценками, т.к. политическая жизнь же во всем многообразии проявлений в немалой степени детерминируется политической культурой как общества в целом, так и отдельных, его составляющих социальных слоев и групп. При этом существенное значение имеют особенности национального политического менталитета, т.е. глубинные пласты национального самосознания и психики, устоявшиеся на уровне стереотипа образы мысли и действия, как масс, так и отдельной личности, которые у каждого народа играют своеобразную роль «консерванта» его национальной самобытности и аутентичности. Примером могут служить некоторые западные страны (Германия, Франция, Великобритания), в которых демократия явилась продуктом длительной естественно-исторической общественной эволюции, и отличаются они большим разнообразием использования государственных форм и способов правления, «технологий» властвования и участия в этом процессе широких народных масс.

Что касается стран, в которых демократия спускается сверху по инициативе правящих кругов «догоняющая модернизация», то она может принимать формы «чужеродности» по отношению к национальной политической культуре и менталитету в целом. По этой причине она или отторгается, или же принимает формы, весьма далекие от нормативного образца. Современная Украина яркий пример этому. Можно согласиться с мнением, что «окунание» с головой в демократию, абсолютно неподготовленной к такому «демократическому купанию» массы (как из числа «верхов», так и из числа «низов»), обернулось бесчинствам разнузданности, бесконтрольности и выходом из всякого подчинения»: Цит.[12].

В такой ситуации нельзя говорить о демократии в ее классическом понимании, потому что формы социальной и политической организации общества, политического режима в стране, призванного обеспечивать суверенитет народа, власть большинства при защите прав меньшинства, неотчуждаемые права человека и гражданина – перестали существовать или существенно ограничены.

Анализируя существующий политический конфликт в Украине и предполагаемые пути выхода из него, нами сделан вывод о необходимости хотя бы понимания властвующей элиты и негосударственных организаций, участвующих в конфликте, и его разрушающем масштабе, о недопустимости обогащения на ведении боевых действий высшими должностными лицами в государстве, которые одновременно являются представителями бизнес-структур, о необходимости принятия срочных мер по недопущению втягивания в него всего гражданского населения, что последствиями этого конфликта может стать потеря государственности и пополнение Украиной списка «падающих» государств.

Исторический опыт ряда стран показывает, что введение демократии в «расколотых» обществах, которые не имели опыта конституционного либерализма, на самом деле приводит к росту национализма, этнических конфликтов и даже возникновению войны. В связи с этим, важнейшим вопросом является необходимость создания прочной «либеральной» базы демократизации, которая приведет к ситуации, когда транзитные страны перестанут надеяться одним прыжком достичь уровня демократически развитых стран, а потому они должны сосредоточиться на планомерном реформировании либерального направления за сохранение определенной демократической стабильности и консолидации властных структур [13], что целиком соответствует концепции современного неоконсерватизма и его ценностном подходе.

Некоторые ученые (М. Ашимбаев) отмечают, что во временном масштабе либерализм и демократизация представляют две фазы общего процесса, поэтому они взаимообусловлены, и их последовательность указывает лишь на то, что без предварительной либерализации не может быть глубокой демократизации транзитного общества, и демократия в нем не может укорениться [1, с. 19].

Итак, проведение демократических выборов и переход власти поставторитарных сил, которые называют себя демократическими, не является залогом углубления демократических преобразований. Название «новая» власть не означает автоматически, что власть «демократическая». К тому же актуальные на определенном историческом этапе проблемы могут оказаться слишком сложными для их решения имеющимися средствами. Следствием неэффективных реформ может стать коллапс демократических институтов. Поэтому переход от авторитаризма к демократии нельзя рассматривать без консолидации демократических процедур и элементов.

Кроме системных проблем, в Украине имеется ряд существенных недостатков, влияющих на продвижение к демократии, в частности слабым местом предвыборных программ партий являются их идеология и стратегическое видение перспектив государственного развития, которые в основном касаются приоритетов внешней политики (европейский, российский векторы, многовекторность), языковых вопросов (предоставление русскому языку статуса официального, проведение украинизации, сохранение статус-кво в сфере языковой политики), национализации / приватизации.

Состояние парламентаризма в стране указывает на не развитость политических институтов, в частности, на соотношение формальных и неформальных институтов. Для такого состояния характерна бурная политическая борьба, периодическое реформирование партий и блоков, шаткие коалиции в парламенте, частое создание и распад правительственных и партийных коалиций, прогнозируемые резкие изменения преобразования в политике при смене ведущей партии, коалиции или элиты.

В виду того, что политический конфликт в Украине принял такие масштабы, этап его завершения будет самой сложной фазой, поскольку от результата прекращения противоборства зависит новый расклад сил в обществе. На наш взгляд, возможны два наиболее вероятных варианта завершения конфликта: достижение примирения сторон или непримирения их, то есть нерешенность конфликта, что в современных геополитических условиях может привести к возникновению постояннодействующего очага нестабильности.

Урегулирование конфликта видится в приобретении в процессе противоборства взаимоуважения сторон, понимания, учета прав и интересов соперника, федерализации как итога решения конфликта, что позволит сохранить независимое государство, а методом достижения примирения сторон должны стать именно мирные переговоры с эффективным результатом – соглашением на основе компромисса.

Список литературы:

- [1] Ашимбаев М. С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению / М. С. Ашимбаев. – Астана : Елорда, 2002. – 304 с.
- [2] Бурдьё П. Социология политики [Текст] / Пьер Бурдьё; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с
- [3] Валиевский А. Failed state Ukraine? – Украинская правда. – 2009. – 19 мая.
- [4] Виборчі системи в Україні: трансформація, становлення парламентаризму, утвердження демократичного врядування [Текст] : монографія / М.Росенко М.І. Севастополь, 2012. – Вид-во ЧП Крученін Н.П., 224 с.
- [5] Гордієнко М.Г. Політичний конфлікт як засіб існування соціуму [Текст] / М.Г. Гордієнко // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2008. – Вип. 41. (підсерія «Курасівські читання») – С. 7–15.
- [6] Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / [Фарид Закария ; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Ладомир, 2004. – 383 с.

-
- [7] Романенко Ю., Кузниченко А. Межинституциональная война. – <http://www.vovremya.info/?art=2577>
- [8] Пастернак Е.Н. К вопросу о регионализации и федерализации Украины. 2-я международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт» Филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешне-экономических связей, экономики и права» в г. Новосибирске. Новосиб. региональная общественная организация общества «Знание» России. – 2013. с. 270-278. ISBN 978-5-8036-0572-0
- [9] Про внесення змін до Конституції України: Закон України від 08.12.2004 № 2222-IV. – ВВРУ від 14.01.2005.
- [10] Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский [под ред. В. А. Бажанова; пер. с англ.]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 320 с.
- [11] Росенко М. Політичні конфлікти в Україні [Електронний ресурс] / Марія Росенко // Віче. – 2009. – № 16. Режим доступа: <http://www.viche.info/journal/1596/>
- [12] Социология. Политология/ <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politologiya.html>.
- [13] Теоретические и методологические обоснования исследования политического транзита. Центр политического анализа и прогнозирования «Центурион» Санкт-Петербург/ <http://centurion-center.narod.ru/db2.html>
- [14] www.cvk.gov.ua

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема влияния цивилизационной идентичности на процесс воссоединения Крыма с Россией. Обосновается вывод, в соответствии с которым геополитический выбор украинского государства, который был навязан обществу правящей элитой, был подвергнут коррекции со стороны индивидуального и коллективного геополитического выбора жителей Крыма, основанного в решающей степени на цивилизационной идентичности. Для обоснования данного тезиса автор использует феноменологический метод и синергетический подход, благодаря чему процесс цивилизационной идентификации получает своё специфическое преломление как синергетическое действие в пространстве жизненного мира современного человека.*

Введение. Цивилизационная идентичность как один из структурирующих элементов общественной и социокультурной системы оказывается особо востребованным в переломные моменты истории. Именно таким моментом можно считать период конца XX – начала XXI века. В решающей степени это связано с тем, что в это время на наших глазах осуществился переход от биполярного мира к однополярному. Сегодня, оценивая опыт этого перехода, можно утверждать, что вместе с разрушением биполярного мира мировая система стала менее устойчивой и более уязвимой. Кроме того, переходный период, во многом болезненный и трагичный для ряда стран, включая и Россию, можно рассматривать в качестве сущностного стержня развития мира после распада двух крупнейших федераций – СССР и СФРЮ, а также раздела ЧССР на два государства – Чехию и Словакию.

В начале XXI века, вслед за попытками установления мирового господства одной сверхдержавы и связанными с этим процессами перераспределения сфер влияния в глобальном масштабе, на исторической арене нового тысячелетия заявили о своих геополитических амбициях новые мировые игроки. В связи с этим воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. следует рассматривать в контексте обострения геополитической конкуренции и выстраивания новых коалиций в системе международных отношений, которая формируется в современных условиях в решающей степени в результате влияния таких стран как США, Китай, ЕС и Россия.

Применение технологии мягкой силы в ходе подготовки и организации Евромайдана в Киеве было осуществлено для выдавливания Украины из сферы геополитического влияния России и перемещения в пространство обеспечения национальных интересов США. Новый уровень конкуренции между США и Китаем, связанный с критической точкой в развитии их взаимоотношений, стал катализатором этих процессов.

В этих условиях полуостров Крым стал символическим местом на карте мира. Евроатлантический геополитический выбор украинского государства, который был навязан обществу правящей элитой, был подвергнут коррекции со стороны коллективного политического действия жителей Крыма, выразившегося в результатах референдума в марте 2014 г. и основанного в решающей степени на цивилизационной идентичности, связывающей региональное сообщество полуострова с российским культурным и политическим пространством.

Целью данной статьи является обоснование тезиса, в соответствии с которым геополитический выбор государства, который, как правило, навязывается обществу правящей элитой, в ряде

* Сенюшкина Татьяна Александровна, доктор политических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского.

случаев может корректироваться индивидуальным и коллективным геополитическим выбором, основанным в решающей степени на цивилизационной идентичности.

Для обоснования данного тезиса мы опираемся на феноменологический метод, который позволяет осмыслить процесс цивилизационной идентификации в пространстве жизненного мира современного человека. В условиях, когда в обществе циркулируют технологии, нацеленные на размывание идентичности, крайне важным является личный аксиологически нагруженный поиск человека, который пытается найти ответы не только на вопрос: «Кто Я?», но и «Кто ТЫ?». Идентичность, как самообнаружение многогранной сущности человека, позволяет ориентироваться в сложном мире этнических и культурных символов, имеющих своё преломление в пространстве геополитических смыслов и идей. В эвристическом плане нам кажется также крайне интересным вывод проблематики цивилизационной идентичности на уровень смещения гносеологического акцента в теоретической конструкции актуализированного современным персонализмом «Я» в сторону «Я и ТЫ» (в духе теоретических поисков Людвиг Фейербаха и Мартина Бубера).

Не меньшим эвристическим потенциалом для исследования заявленной темы обладает, на наш взгляд, синергетический подход, который позволяет рассмотреть Воссоединение Крыма с Россией как своеобразную точку бифуркации. Применяя положения лауреата нобелевской премии И.Пригожина, можно рассматривать Крым, начиная с февраля 2014 г., в качестве системы, утратившей равновесное состояние и вышедшей на уровень самоорганизации. Так как в точке бифуркации существует пространство множественности для выбора дальнейшего вектора развития системы, Крым сегодня потенциально и одновременно содержит в себе несколько вариантов будущего – в диапазоне от снижения уровня развития и полного разрушения системы до более высокого уровня роста и инновационного скачка в развитии. В связи с этим ключевую роль будут играть управленческие решения, которые принимаются сегодня субъектами государственного управления. С одной стороны, ошибки и просчёты управленческой элиты могут привести к необратимым процессам, с другой стороны, смелые и выверенные решения смогут кардинально изменить ситуацию. Решающее значение в этом процессе имеет качество управленческой элиты, а также то, чьи интересы будут для неё приоритетными в принятии решений – свои личные, групповые (клановые), или интересы населения, которое составляет народ Крыма и является источником власти (согласно Новой конституции Республики Крым).

С другой стороны, можно утверждать, что одномоментно переместившись из украинского в российское политическое пространство, Крым стал тем местом, где российская правящая элита, являющаяся сегодня источником для формирования центра принятия решений в системе управления Крымом, будет вынуждена пройти проверку на прочность. Учитывая факт внутренней противоречивости крымского сообщества, а также накопленный конфликтный потенциал, который до сегодняшнего дня находился в латентной стадии, допущенные на этом этапе ошибки могут привести к непредсказуемым последствиям, которые следует оценивать с точки зрения не только региональных, но и глобальных рисков и вызовов.

В контексте сказанного выше, события, произошедшие в Украине в 2013-2014 гг, начиная с первой протестной акции студентов в центре Киева, вызванной не подписанием Украиной договора об ассоциации с ЕС, мы будем рассматривать в связи с воссоединением Крыма с Россией, которое состоялось в марте 2014 г.

Изначально подписание Украиной соглашения об ассоциации с ЕС имело не только экономический смысл, но и геополитическую окраску. Подписание ассоциативного договора, основную часть которого составляют вопросы двусторонних отношений в сфере торговли, фактически погружало Украину в пространство безальтернативного геополитического выбора. Примечательно, что для большинства населения Украины этот, скрытый контекст соглашения, не озвучивался официальными политическими рупорами, однако, по мере развития политического и социального феномена под названием «Евромайдан», геополитический подтекст организации политических протестов в центре Киева становился всё более очевидным. Учитывая место Крыма на геополитической карте Черноморско-Каспийского региона, расшатывание ситуации на полу-

острове по примеру Киева могло обернуться непредсказуемыми последствиями для целого ряда стран, включая, в первую очередь, Россию.

Политические процессы в Крыму, которые приобрели принципиально новый вектор развития в условиях углубления украинского политического кризиса в 2013-2014 году, имеют особое преломление в связи с цивилизационными различиями внутри крымского сообщества, которые связаны с сосуществованием и взаимодействием трёх доминирующих этнических групп – русских, украинцев и крымских татар. В Крыму проживает более миллиона русских (более половины жителей полуострова), около 500 тысяч украинцев (менее 30% жителей), и около 300 тысяч крымских татар, которые составляют примерно 13% от всего населения полуострова. Большинство жителей Крыма составляют русские, причем это большинство не только этническое, но также политическое и культурное.

Для более полного понимания происходящих в Крыму политических процессов следует учитывать, что до 1954 г. Крымский полуостров входил в состав Российской Федерации, а затем был передан Украинской ССР как новая административная единица (процесс передачи не затронул г. Севастополь, который напрямую починался Москве и оставался вплоть до развала СССР городом союзного подчинения, наряду с Москвой и Ленинградом (Санкт-Петербургом). В рамках единого государства этот акт не имел существенных политических последствий, но с распадом СССР ситуация стала парадоксальной – русское население Крыма оказалось в независимой Украине в положении национального меньшинства, хотя никогда не покидало территории полуострова, который значительную часть своей истории входил в состав России. Кроме того, русское население Крыма неоднократно демонстрировало своё отношение к акту передачи Крыма Украине как нелегитимному политическому событию. В этом смысле можно сказать, что большинство жителей Крыма, на уровне гражданских, политических и правовых отношений отождествляли себя с Украиной, однако в культурном отношении всегда находились в пространстве влияния России. Именно этим и можно объяснить тот факт, что стремление части украинской политической элиты интегрироваться в ЕС не находило большой поддержки в местном сообществе. В целом можно утверждать, что по этому вопросу не было единства и в украинском обществе.

Один из «неудобных» вопросов, который остаётся вне поля зрения сегодняшней украинской правящей элиты, заключается в том, какая часть населения Украины поддерживает курс государства на евроатлантическую интеграцию? Проблемность ответа на этот вопрос заключается в следующем. На протяжении 23-х лет становления независимого государства украинскому обществу так и не удалось достигнуть консенсуса в отношении приоритетов внешнеполитического курса страны. Это подтверждается данными ежегодного мониторинга «Украинское общество», который проводился Институтом социологии НАН Украины начиная с 1992 года [1]. Согласно данным опросов, позитивное отношение к вступлению Украины в ЕС ежегодно демонстрировали не более половины респондентов. Примечательно, что общий процент сторонников вступления Украины в ЕС снизился с 56,0% в 2000-м году до 41,4% в 2011 г. При этом количество респондентов, имеющих негативное отношение к идее вступления Украины в ЕС возросло более чем в два раза: с 9,6% в 2000-м г., до 20,5% в 2011-м. Более трети респондентов в течение всего мониторингового периода затруднились с ответом, и этот сегмент общества, судя по опросам, за 20 лет также имел небольшую динамику, балансируя от 34,4% в 2000-м году до 38,1% в 2011 г.

Ещё более контрастной выглядит противоречивость взглядов украинцев на возможность вступления Украины в НАТО. Если в 2000-м году количество позитивно относящихся респондентов к идее вступления в НАТО составляло 24,9%, то в 2011-м году этот показатель снизился в два раза и составил 12,6%. В то же время, количество респондентов, для которых характерно негативное отношение к идее вступления в НАТО в 2000-м году составляло 33,5%, а в 2011-м году этот показатель значительно увеличился и составил 54,7%. Следует отметить, что более трети респондентов затруднились с ответом, эта категория за 20 лет имела небольшую динамику снижения: от 41,5% в 2000-м году до 32,7% в 2011 г.

В то же время, идею присоединения Украины к Союзу России и Белоруссии на протяжении всех лет независимости поддерживало более половины населения. В 1998 г. с этим вектором

развития украинского государства были согласны – 61,4%, в 2011-м – 58,4%. Негативное отношение к этой идее ежегодно демонстрировали не более 20% (21,0% в 1998-м, 22,1% – в 2011-м). Примерно 15% затруднились с ответом на этот вопрос [1, с. 30].

Таким образом, украинское общество в вопросе внешнего вектора развития страны разделилось ровно пополам. Следовательно, и восприятие угроз сформировалось у каждой половины общества соответственно представлениям об опасностях, которые исходят из разных географических и культурно-исторических пространств.

Отсутствие единства в обществе в представлениях о внешнеполитическом векторе развития должно было сориентировать правящую украинскую элиту на учёт мнения всех регионов, жители которых являются гражданами украинского государства. Однако, вопреки этому, народу Украины стал навязываться геополитический выбор доминирующей во власти на данный момент части политической элиты, которую поддерживает не более половины населения всей страны.

Цивилизационные противоречия украинского общества, основанные на религиозных, культурных, этнических и языковых различиях, разном историческом опыте и коллективной памяти, вплелись в ткань противоречий геополитического характера, что существенно обострило внутренний латентный конфликт и привело его к эскалации. Пробуждённая на Майдане революционная энергия распространилась на Юго-Восточные области страны. Население крупных промышленных, культурных и научных центров, которые сконцентрированы в Донецке, Харькове, Луганске, Одессе и Мариуполе столкнулись с невиданными ранее проявлениями ненависти, агрессии и насилия. Единственным исключением в этом смысле можно считать Крым, где ситуация развивалась по мирному сценарию.

Существует несколько причин, которые позволили удержать крайне сложную и внутренне противоречивую крымскую ситуацию в русле мирного развития. Наряду с успешно применёнными специальными технологиями, решающую роль в этом сыграли жители Крыма, каждый из которых сделал свой личный цивилизационный выбор, приняв тем самым участие в определении вектора дальнейшего развития крымского полуострова.

Наряду с этим, нельзя не учитывать этноконфликтный потенциал Крыма, который на данный момент «загнан внутрь» и может быть использован внешними силами в любой момент для расшатывания ситуации на полуострове. Эта угроза представляется сегодня нам наиболее опасной и требует разработки механизмов снижения напряжённости, связанной с тем, что часть местного сообщества по разным причинам не поддержала воссоединение Крыма с Россией. Особый ряд проблем в связи с этим характерен для крымскотатарской части населения полуострова.

Крымские татары как этнос сформировались в контексте цивилизационных процессов, связанных с доминирующим влиянием ислама и культурно-исторического влияния Турции. В отличие от русского населения Крыма крымские татары имеют свою версию коллективной памяти и исторической правды. В связи с вхождением Крыма в состав РФ на основании волеизъявления большинства жителей Крыма, подтверждённого результатами референдума 16 марта 2014 г., внутри крымскотатарской этнической группы произошло разделение на сторонников и противников нового вектора политического развития Крыма.

Большая часть крымских татар поддержала российский вектор развития Крыма и приступила к процессу реинтеграции в политическое, правовое и экономическое пространство России. Об этом свидетельствует крайне низкий процент крымских татар, отказавшихся от российского гражданства. Одновременно с этим другая часть заняла диаметрально противоположную позицию. В этом смысле можно говорить о внутренней противоречивости политической самоидентификации крымскотатарского этноса. Критические настроения связаны, в первую очередь, с исторической памятью, которая негативно окрашивает факт присоединения Крыма к России в конце XVIII века.

Действительно, три с лишним столетия (до конца XVIII в.) существовало Крымское ханство, причем длительное время оно находилось в политической зависимости от Турции. Конец существованию ханства положила Россия, присоединившая Крым к своей территории. В резуль-

тате глубоких исторических трансформаций сформировалась коллективная виктимность, характерная для крымскотатарского национального сознания, и получившая новый трагический импульс после депортации крымских татар, осуществлённой И.В. Сталиным в мае 1944 г.

Наряду с тем, что конфликтное пространство, связанное с крымскими татарами, получило новые импульсы для своего углубления в 2014 г., следует учитывать то, что крымские татары за годы репатриации уже получили доступ к ключевым ресурсам полуострова, включая самый ценный ресурс – землю на Южном и Юго-Восточном берегу Крыма. Кроме того, реальный социальный и экономический статус крымских татар в действительности выше, чем официально декларирующийся. Проблемы в сфере образования и культуры крымских татар в основном решаются, а их актуализация носит, скорее, манипулятивный характер. В этих условиях открытое и длительное противостояние с политическим курсом, который поддерживает большинство населения полуострова, означает для многих представителей среднего класса и крымскотатарской элиты прямой экономический и политический ущерб, которого они будут пытаться избежать. Кроме того, президент РФ В.Путин и Российское правительство продемонстрировали готовность взять на себя решение ключевых экономических и социальных проблем крымских татар, что может сыграть решающую роль в формировании лояльности крымскотатарского населения по отношению к будущему развитию Крыма в составе Российской Федерации.

В случае заметного улучшения экономической и социальной ситуации в Крыму политический контекст противостояния отойдёт на второй план, наряду с этим не следует исключать возможности эскалации конфликта в результате внешнего воздействия с использованием исламского фактора при задействовании международных сетевых структур, которые уже имеют своих представителей на полуострове.

Это подтверждается тем фактом, что в течение последних лет в Крыму наблюдалась активизация нетрадиционных исламских течений, таких как ваххабизм, «Братья-мусульмане», а также партия «Хизб ут-тахрир», которая после вхождения Крыма в состав РФ оказалась вне правового поля в связи с вступлением в силу российского законодательства, запрещающего функционирование этого религиозного движения на территории страны. Однако несмотря на это, данное религиозное течение не утратило влияния на своих сторонников (преимущественно в сельском и молодёжном сегменте). Следует учитывать, что активизация радикальных исламских течений в Крыму создаёт риски и угрозы как для региональной, так и для общероссийской безопасности.

Таким образом, проведённое исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

- 1) События 2014 года в Крыму следует рассматривать как ответ на цивилизационные и геополитические вызовы однополярного мира.
- 2) Воссоединение Крыма с Россией – это результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе цивилизационной идентичности, которая сформировалась под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения.
- 3) Роль цивилизационной идентичности в определении вектора крымского геополитического выбора обусловлена связью процесса идентификации с коллективной мотивацией и коллективным политическим действием.
- 4) Дальнейшее развитие ситуации на полуострове обусловлено состоянием и возможностями использования в геополитических целях внутреннего конфликтного потенциала, который требует неотложной разработки и применения государственных механизмов управления этноконфессиональными конфликтами, включающими систему информационно-аналитического обеспечения принятия управленческих решений в органах государственной власти и местного самоуправления, создание системы государственного и гражданского контроля за разжиганием ненависти и вражды в информационном пространстве, использование системы образования и воспитания для формирования межэтнического и межконфессионального доверия.

-
- 5) В качестве перспектив для дальнейших исследований данной проблемы можно рассматривать изучение цивилизационной идентичности через призму конфликта (разрыва) поколений, особенностей коллективного ощущения социального пространства и времени, связанных с исторической памятью, а также в связи с проблемой мировоззренческого суверенитета, для обеспечения которого необходимо провести экспертизу циркулирующих в обществе и заимствованных извне теоретических конструктов, противоречащих национальным интересам и обеспечению безопасности человека, общества и государства.

Список литературы:

- [1] Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: У 2-х т. – Т.2: Таблиці і графіки / За ред. Є.І.Головахи, М.О.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2011. – 480 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ КРЫМА И ДОНБАССА КАК СУБЪЕКТЫ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

Аннотация. Данная работа представляет попытку теоретического осмысления процессов, протекающих на юго-востоке Украины, с точки зрения стратегий поведения региональных элит. Консолидация крымской элиты способствовала утверждению ненасильственной формы разрешения разгоравшегося кризиса и «возвращению на историческую родину». В то же время «рассыпание» донецкой региональной элиты явилось одной из основных причин вооруженного конфликта, а также существенным фактором формирования и проведения российского геостратегического курса в отношении Украины.

События на Украине, в частности вооруженный конфликт на ее Юго-востоке, привлекают пристальное внимание исследователей. Возможно, попытки теоретического осмысления протекающих процессов являются несколько преждевременными, поскольку невозможно предсказывать развитие диссипативных структур украинской и региональных структур власти в фазе бифуркации. Тем не менее, мы в состоянии выделить основания и возможные траектории развития событий, если рассматривать их с точки зрения состояния и стратегий поведения соответствующих региональных элит.

Различные цели и стратегии действий конфликтующих сторон в ходе возникшего кризиса в значительной степени обусловлены предшествующим состоянием отношений в треугольнике: региональные элиты – киевская элита – российская элита. Именно этот фактор, задавая специфичные форматы допустимых вариантов действий, в значительной степени повлиял на содержание и тональность принимавшихся решений, а также на их интерпретацию ведущими акторами мировой политики. Поэтому, чтобы понять логику зарождения и протекания, содержательную суть разворачивающихся событий следует обратиться к исходному состоянию украинской правящей элиты и характеру позиционирования в ней, с точки зрения распределения полномочий и гарантий сохранения собственного статуса и интересов, региональных элит Крыма и Донбасса, выступивших невольными «соучастниками» конфликта.

Как отмечали исследователи, специфика украинской правящей элиты до последних событий состояла в том, что ее отдельные группы не ощущали себя частью единого целого, так как отсутствовали сплачивающие элитную разнородность общие ценностные и целевые основания ее деятельности. Сильные региональные элиты, среди которых особо выделялась донецкая, боролись не с центром за свои властные полномочия, а за сам центр, выступая одновременно носителями черт, характерных именно для своих областей и местных сообществ. [2, с. 291].

Элиты более слабых регионов, таких как Крым, напротив, строили свой политический капитал на стратегии противостояния с центром, постоянно находясь в поисках «старшего брата», в том числе и среди сопредельных, исторически связанных с ними государств. Из всего элитного пула только столичный, или киевский, истеблишмент в наибольшей степени приближался к понятию «правящая элита», которая бы отстаивала общегосударственные интересы вопреки лоббистскому давлению региональных элит.

По мере территориальной экспансии региональных элит возникали «трансрегиональные олигархии», элементы которых размещались в нескольких областях, объединяя последние в

* Тарусин Павел Владимирович, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

сферу своего политического и экономического влияния. [3, с.197]. Одной из таких олигархий являлась донецкая группа, которая установила контроль над Луганщиной и активно вкладывала свои капиталы в экономику Крыма, расширяя политическое участие во властных структурах полуострова. [2, с. 301].

Подобное состояние правящей элиты отражало одновременную ориентацию украинского общества и государства на противоположные векторы, как во внешней, так и внутренней политике, амбивалентность в моделях политического поведения элит. При этом хрупкий баланс между регионами (в первую очередь между пророссийским юго-востоком и ориентированным на Европу западом страны) и их элитными группами, поддерживался за счет попеременного занятия последними высших позиций в центральной государственной власти.

В существовавших условиях «киевская власть», независимо от того, какая региональная группировка ее контролировала, вынужденно выстраивала жесткую вертикаль исполнительной власти вплоть до районного уровня. Негибкость и неустойчивость властной конструкции, служившая источником регулярных социальных и политических конфликтов, провоцировала недовольство региональных элит и местных сообществ, выдвижение требований по «децентрализации» системы управления страной. Толчком к окончательному разрушению существовавшая система послужило свержение В.Януковича, в ходе которого основные политические игроки вышли из правового поля и открыто пренебрегли действовавшими правилами и договоренностями. [1, с. 163-165].

Крымский истеблишмент за годы независимости Украины так и интегрировался в состав ее элиты. Слишком сильны были факторы этнической и культурной идентификации населения с Россией и само стремление к восстановлению проявленной «несправедливости» в форме возвращения на историческую Родину, которая к тому же демонстрировала более привлекательные для крымчан стандарты жизни. В момент кризиса украинской государственности именно Россия виделась гарантом преумножения статуса и властных возможностей региональной элиты, естественным союзником разрыва с Киевом. В полной мере сказался культурный и ценностный антагонизм с образцами и символами новой украинской государственности, привнесенными с чуждой Галичины. Даже верхушка крымско-татарского народа ориентировалась не на столицу, а на исторически и культурно близкую Турцию, стремясь использовать позицию Киева для получения эксклюзивных преференций перед иными этническими группами населения.

Вокруг находившегося в Крыму Черноморского флота спонтанно возникали обширные и взаимовыгодные связи и отношения местного населения и властных структур с российскими военными и культурными представительствами. Характер этих деловых и личных, многократно переплетенных взаимодействий основывался на традиционной культурной общности и этнической идентичности, а также соображениях взаимной выгоды. «Кормившиеся» возле штаба флота и российских культурных организаций «русскоязычные» общественно-политические объединения и отдельные деятели, вроде С.Аксенова, составили пророссийскую «пятую колонию». В зависимости от задач и возникавших обстоятельств данные силы активизировались, естественно без публичной огласки, для оказания политического давления на Украину, прежде всего по вопросам базирования флота, с последующим их переводом в «спящий режим».

Киевская власть в меру сил боролась с сепаратистскими настроениями крымского населения и элиты, хотя выбор возможных стратегий в существовавших обстоятельствах был крайне ограничен. С одной стороны, Киев стремился ограничить политические и социально-экономические полномочия региональных структур власти и амбиции самой элиты, прежде всего за счет назначения президентских «наместников», глав силовых структур, а также комплектуя командный состав воинских частей, дислоцированных на полуострове, выходцами их западных областей страны.

Существенное ущемление крымского истеблишмента в правах по распоряжению собственностью, находившейся на полуострове, жесткие ограничения на использование политических инструментов ее защиты и сохранения, приводили к масштабному проникновению иных региональных элит и киевского центра, которые перехватывали наиболее «лакомые» активы.

Крымская элита, исконно тяготеющая к России и крайне недовольная своим принижением и подчиненным положением, выкачиванием с полуострова заработанных ресурсов и назначением киевских «смотрящих», объективно превращалась в непримиримого оппонента украинской верхушки.

С другой стороны, киевская «власть» пыталась осуществить раскол крымского общества и элиты по национальному признаку, натравливая друг на друга его русский и татарский сегменты. Тем самым потенциал региональной элиты растрачивался во внутреннем противостоянии, что по замыслу украинского руководства должно было предопределить ее ориентацию на Киев. Однако подобная политическая линия оказалась провальной. «Татарская угроза» лишь спланивала пророссийские круги региональной элиты, укрепляя их в ориентации на Москву, как естественного союзника в защите собственных интересов и культурных ценностей.

Но и крымско-татарская верхушка была недовольна подобным курсом, камуфлировавшим безразличие украинской власти, как к проблемам полуострова, так и к нуждам «коренного народа». Как заявлял глава крымско-татарского меджлиса Р.Чубаров: «Если бы сменявшие один другого президенты Украины, народные депутаты Украины вели целостную политику в отношении жителей Крыма и восточных областей, и в этой политике люди не рассматривались лишь как электорат, а как граждане государства, думаю, сегодня все могло бы быть по-другому».[4].

Донецкий же региональный истеблишмент был тесно интегрирован в украинскую правящую элиту, несмотря на разногласия и периодические конфликты с ней. Клан Р.Ахметова через Партию регионов и подконтрольные финансово-промышленные структуры деятельно участвовал в формировании и проведении государственного курса Украины и был в подавляющем большинстве ориентирован на центральные структуры власти, через которые и реализовывал собственные интересы. Тем самым для прежней элиты Донецка и Луганска гарантии по сохранению собственности и правящего статуса даже от временно обессиленного Киева были гораздо весомее и предпочтительнее, нежели от Москвы.

Данные обстоятельства и предопределили формы развития гражданского конфликта на Украине, а также политические цели России и стратегии их достижения.

В рамках концепции «циркуляции элит» мы наблюдаем два различных по содержанию явления. В Крыму произошла переориентация региональной элиты на другого верховного «сюзерена», более близкого ей по своим социокультурным и цивилизационным параметрам, что позволило, при подавляющей поддержке местного населения, перевести полуостров под юрисдикцию России. Крымская элита практически в полном составе органично влилась в состав российской, сохранив себя в качестве субъекта власти, на которого федеральный центр смог опереться при регулировании процессов, протекавших на полуострове и вокруг него.

На Донбассе же наблюдается практически полное обновление (смена) региональной элиты, приход к власти сформировавшейся в ходе вооруженного противостояния с Киевом контрэлиты, полярной прежней верхушке по ценностям и основаниям деятельности. Поскольку «главным фактором, который предопределил возможность гражданского конфликта на Украине, является культурно-цивилизационный раскол украинского общества».[1, 162] Этим то и обусловлено различное содержание и формы протекающих в регионах процессов и несопоставимость инструментальных возможностей российской власти влиять на их развитие.

После совершения государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года российское руководство отважилось дать гарантии крымской элите в самостоятельном выборе вектора развития полуострова, подкрепив свое решение реальной силой и действиями. Опираясь на российскую помощь, крымские политики сумели грамотно использовать возникший в Киеве вакуум государственной власти, чтобы придать движению за воссоединение с «исторической родиной» необратимый характер. Сразу заметим, что не существовало предзаданности подобного развития событий, все решило «окно слабости» украинской власти, которое позволило организовать и провести необходимые процедуры по изменению статуса полуострова.

Однако оказанное содействие было обозначено и осуществлялось только в той мере, насколько далеко «регионалы» были способны пойти. Главной (если не единственной) его

целью было обеспечение свободного и представительного волеизъявления крымского общества в рамках легальных процедур и реализации принятого народом решения. Силами российских военных структур, находившихся на полуострове, с привлечением ограниченного ресурса с материковой территории страны, но строго в рамках договоренного лимита, были заблокированы представительства и воинские части украинских силовых ведомств, парализованы воля и потенциал к сопротивлению «наместников» прежней, киевской власти и выступавшего заодно с ними крымско-татарского меджлиса. При этом именно крымская элита определяла формы, цели и темпы своей интеграции с Россией, ставя порой руководство последней в состояние политического цейтнота, перенеся, например, дату референдума с 25 мая на 16 марта. В итоге, форма выражения общественных настроений и чаяний была выбрана недостаточно корректная и убедительная для мирового сообщества.

Кроме военной силы, российская власть предприняла беспрецедентные, хотя и довольно безуспешные, меры по примирению русской и татарской части региональной элиты, вовлечению «коренного народа» в политический диалог относительно будущего полуострова. Были организованы переговоры В.Путина с «вождем» крымско-татарского народа М.Джемилевым, визиты и обращения лидеров этнически близких казанских татар М.Шаймиева и Р.Минниханова, продемонстрированы скрытые угрозами жесткие обьятия Р.Кадырова. Отказ руководства меджлиса от сотрудничества создал угрозу вакуума в представительстве интересов крымско-татарской общности. В итоге крымская и федеральная власть была вынуждена задействовать механизмы по расколу руководства меджлиса и минимизации влияния его бывшего руководства, а также создавать новые, на традиционной этнической основе, структуры представительства коренной народности. Например, общественные движения крымскотатарского народа «Милли Фирка», «Къырым».

После воссоединения с Россией была изменена архитектура управления полуостровом, но в соответствии с привычной для Крыма политической моделью. Соответственно обновилась структура и веса компонентов региональной элиты, произошла замена «первых лиц», но на тех персон, которые уже входили в местный истеблишмент, пусть и обладавших достаточно неоднозначной репутацией. Осуществляется последовательное и взвешенное насыщение крымского руководства выходцами из России в целях балансирования федеральных и местнических настроений, а также сближения паттернов и стилистики проведения политического курса.

После завершения процедур «возвращения Крыма в родную гавань» произошло стремительное отторжение от крымской элиты пассионарных, большей частью пришлых элементов. Масса идейно одержимых людей, вроде И.Стрелкова, никак не интегрированных в региональную власть и, соответственно, не связанных с той какими-либо обязательствами и договоренностями, была фактически вытеснена на Донбасс, где развернулся очередной очаг гражданского противостояния. Региональную элиту покинуло и руководство крымско-татарского меджлиса, чьи амбиции разошлись с интересами коренной народности, и которое фактически превратилось в инструмент политических стратегий внешних сил (акторов).

Таким образом, организационная сплоченность большинства крымской элиты, сохранение ею статуса субъекта региональной власти, превратили ее в реальную силу, способную контролировать социальные процессы на полуострове, а также способствующую продвижению и отстаиванию российских геополитических целей и приоритетов в северном Причерноморье. Консолидированная и четко выраженная позиция крымской элиты, поддержанная Россией, позволила удержать полуостров, пусть и непривычно жесткими для крымчан мерами, вне рамок разворачивающегося братоубийственного конфликта и провести необходимые структурные преобразования в политической и социально-экономической сферах.

В чем же видятся причины негативного развития событий на Юго-востоке Украины? Прежде всего, в том, что в результате государственного переворота «юго-восточные регионы были политически обезглавлены, «восточные» партии и их лидеры или выдавлены с политического поля, или сведены до маргинального состояния». [1, 167] «Партия регионов», фактически сплавившая региональный истеблишмент Донбасса, была фактически разгромлена. В результа-

те структуры региональной элиты стали стремительно рассыпаться, причем большая ее часть примкнула к новой киевской «владе», создав вакуум власти, в который «ринулись» полукриминальные круги, а также пришлые из России «искатели приключений». Тем самым, умерять стремительно нарастающий разрыв между политическими и культурными ценностями, ставшими господствующими в Киеве и на большей части Украины, и теми, что доминировали среди населения донецкого региона, оказалось некому. Разжигание вооруженного противостояния являлось лишь вопросом времени.

Крайне слабые, назначаемые из Киева, губернаторы Донецкого и Луганского регионов, в отличие от харизматичного мэра Харькова Г. Кернеса, оказались неспособными своевременно мобилизовать и применить необходимые, прежде всего силовые, инструменты и ресурсы для предотвращения массовых выступлений, понизить градус общественного недовольства. Впрочем, после Майдана состояние и настроения кадров силовых структур в этих регионах были явно не в пользу вновь учрежденной власти. Своими неумелыми и паллиативными действиями они только «разжигали аппетиты», рвавшихся к власти группировок, ориентированных на отделение от Украины. Тем более что главный «спонсор» территорий Р. Ахметов активно «заигрывал» с последними, стремясь сохранить контроль за собственными активами.

Таким образом, на Донбассе в критический момент развертывания гражданского конфликта фактически отсутствовала элитная прослойка, способная эффективно регулировать протекавшие процессы и организовать диалог между противостоящими сторонами. Естественные процессы становления и воспроизводства региональной элиты, отношения и каналы, связывающие ее воедино с центральной элитой, оказались полностью нарушены. Причем экстремальные условия становления нового регионального истеблишмента задают своеобразное содержание и форму его будущих качественных характеристик, паттернов деятельности и поведения, а также внутренней структуры. Весьма проблематично в кровавых муках вооруженного столкновения, экономического и гуманитарного кризиса закладывать рациональные основания элитного функционирования, нивелировать преобладание в них силовой составляющей.

Проблемы и сложность восстановления вертикали региональной власти обусловлены в значительной мере и отсутствием достаточного числа подготовленных функционеров-управленцев. Крайне мало харизматичных политиков, а также лиц с символическим, кроме военных заслуг, капиталом, необходимых для налаживания мирной жизни, выдвижения целей и приоритетов социального развития. Отсюда и интуитивное стремление регионального руководства оставаться на привычных «военных рельсах».

Кадровый костяк нового руководства донецкого и луганского регионов составляет сообщество лиц из ранее маргинальной среды, не вписывающихся в прежние элитные нормы и критерии и не обладающих связями в местных экономических, культурных, научных кругах. К сожалению, люди, не выросшие и не имевшие связей в элитной среде, не прошедшие шлифовку ею, прежде не сталкивавшиеся с властью, по своему мироощущению, образованию, навыкам не способны эффективно действовать в политическом, властном пространстве.

На первых порах недостаток кадров для создания каркаса региональной власти решался за счет рекрутирования из состава внешних элементов: И. Стрелков, А. Бородай, «атаманы» российского казачества, в своем большинстве либо пассионарные идеалисты, либо «любители легкой наживы». Возникло явление «ермаковщины» – симбиоза местных элит, ватаг пришлых завоевателей, полукриминальных авторитетов, которые заместили вакуум, возникший в связи с распадом прежних элитных кланов. Однако время «идейных борцов» после выполнения первичных задач по «возмущению регионов» прошло, и они были выведены из игры. С наступлением этапа реального строительства структур власти на «мятежной» территории были призваны прагматичные персоны, способные действовать политическими методами, хотя их политическое и властное «образование» крайне дорого обходится населению и экономике регионов.

Перспективы становления региональных элит Донбасса зависят от характера взаимоотношений, который в конечном итоге сложится у мятежных регионов с киевской властью. Если Донбасс останется на положении замороженного конфликта по примеру Приднестровья, Абхазии

или Южной Осетии, то его властные элиты окончательно разойдутся с украинской стороной и будут следовать в русле российского курса и под эгидой отечественной правящей элиты. Однако не следует рассматривать новое руководство Донбасса как зависимый инструмент российской политики, а не субъект власти, пусть и лишенный на время известной доли самостоятельности.

Как мы видим, на Юго-востоке Украины для российской политики изначально не существовали столь благоприятные условия проведения, нежели в Крыму. В отличие от Крыма на Донбассе было невозможно создать и режим военной изоляции, необходимый для планомерного строительства независимых от Киева республик, поскольку линия вооруженного соприкосновения составляет сотни километров, а не ограничена узкими полосами Перекопа и Чонгарского перешейка.

Для России политически опасно и экономически затратно поддерживать автономию Донбасса и процессы оформления его элит. Однако ее руководство считает, что даже тот временный баланс сил, который зафиксирован между Киевом и Донецком, лучше, чем внутреннее и внешнее кровопролитие, уничтожение самой идеи народных республик. Поэтому Москва осмелилась, вопреки введенным против нее санкциям, оказывать необходимую помощь «самопровозглашенным республикам» Донбасса, включающую поставки вооружения, добровольцев, витальных ресурсов и, самое главное, политическую и информационную поддержку. Понятно, что без этого содействия новая региональная власть не имеет никаких шансов на становление. Именно администрация Президента России фактически регулирует кадровые вопросы и распределение функций в руководстве Донбасса, выступает арбитром для противостоящих кланов нарождающейся региональной элиты.

С другой стороны, цель (интерес) России состоит не в присоединении отдельных территорий Украины, а в появлении на ней дружественного, устойчивого, демократического режима. В значительной степени двусмысленность проводимого политического курса обусловлена самой неопределенностью политического будущего самопровозглашенных республик. Тем самым, политическая линия Москвы не сможет быть полностью субъектной и на обозримую перспективу останется под влиянием расклада сил, формируемых в огромной мере вне ее участия.

Список литературы.

- [1] Зоткин А.А. Институты власти и элитные группы Украины в условиях гражданского конфликта (2013-2014 г.г.) // Власть и элиты / Гл. ред. А.В.Дука. Вып. 1. СПб.: Интесоцис, 2014 С.161-170.
- [2] Зоткин А.А. Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В.Дуки. СПб.: Интесоцис, 2012. С. 286-306.
- [3] Гарань А.В., Макеев С.А. Политические и региональные преобразования в России и Украине. М.: Три квадрата, 2003.
- [4] Рефат Чубаров: Крымских татар никому купить не удастся. Интервью «Украинской правде». 29.01.2015. – <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/01/29/7056737/> (7 марта 2015г.)

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Действия России – и противодействие им со стороны Запада – не приводят к краху существующего мирового порядка, но они способны ускорить этот процесс. В последние десятилетия страны Запада были основными выгодополучателями созданной и охраняемой ими архитектуры международных отношений. Развивающиеся державы, такие как Китай, Индия и Бразилия, проявляли недовольство теми способами, которыми Запад использовал глобальные институты в своих интересах, и предпринимали усилия по выстраиванию «путей в обход» глобальных институтов, выстраивая двусторонние соглашения, размывающие либеральный базис установленных правил игры. Сегодня Запад, пытаясь обратить глобальные институты против уже не только Северной Кореи и Ирана, но и России – постоянного члена СБ ООН, – провоцирует своими действиями ревизию установленного порядка.

Russian actions – and Western responses to them – will not lead to the unwinding of the current international order, but they could accelerate the process. For the last few decades, Western powers have benefited from an international architecture they designed and policed. The rising powers such as Brazil, China, and India were uncomfortable with the way the West has used global institutions to pursue its own interests and are increasingly “routing around” global institutions by creating bilateral arrangements while caucusing within them to hollow out the liberal bias of their rules and regulations. If the West now tries to use these institutions to act not just against Iran and North Korea but against Russia – a permanent member of the United Nations Security Council – it may find that it encourages revisionism rather than deterring it.

Реакция России на разразившийся в Украине кризис была вполне предсказуема, принимая во внимание значимость этой страны с точки зрения российских национальных интересов. Это признают не только отечественные, но и зарубежные эксперты.

«Украина имеет жизненно важное значение для России в качестве буфера, отделяющего её от стран НАТО, а также транзитного маршрута поставок энергоресурсов в Европу, которые остаются фундаментом российской экономики», – утверждает Джордж Фридман, глава влиятельного аналитического центра Stratfor. [5]

«Эти колоссальные равнинные пространства, – которые должны были преодолеть и наполеоновская Франция, и Германская империя, и нацистский Рейх прежде, чем ударить в самое сердце России, – всегда имели огромное стратегическое значение для России, – развивает ту же мысль американский политолог, профессор Чикагского университета Джон Мершаймер. – Ни один российский лидер никогда бы не смирился с тем, что военный альянс, в недавнем прошлом смертельный враг Москвы, появился бы на Украине. Равно, как ни один российский лидер не стал бы равнодушно наблюдать за тем, как при поддержке Запада в этой стране приходит к власти новое правительство, намеренное интегрировать Украину в западные структуры». [6]

Причиной столь резкого обострения отношений между Западом и Россией стал не украинский кризис непосредственно, а неоконченная де-факто холодная война, отмечают эксперты.

По мнению Сергея Караганова, декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, «После окончания холодной войны европейцы проявили склонность к высо-

---

* Турунок Станислав Генрихович, кандидат политических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

комерному «похлопыванию России по плечу», к «демократическому мессианизму» – стремлению постоянно поучать ее в построении настоящей демократии». «Неспособность и нежелание выработать общую цель долгосрочного совместного развития», привели к тому, что возобладали «борьба за советское наследство, попытка геополитически дожать Россию». [3]

С такой постановкой вопроса согласен Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»: «*Страсти вокруг Украины – последний запоздалый залп холодной войны*. С одной стороны – самонадеянный напор триумфатора, уверенного, что ему все по силам и по праву. С другой – оборонительная по сути контратака, желание любой ценой зафиксировать границу, переходить которую оппоненту нельзя». [2]

Позицию российских экспертов разделяют некоторые западные коллеги. Так, вышеупомянутый Джон Мершаймер признает, что «корни проблемы уходят в политику расширения НАТО, как составную часть более общей стратегии вывода Украины с орбиты российского влияния и интеграции её в западные структуры... С середины 1990-х годов российские лидеры последовательно противостояли расширению НАТО, особенно в последние годы, четко дав понять, что они не намерены спокойно наблюдать, как их стратегически значимый сосед превращается в Западный бастион». [6]

Впрочем, если по поводу источников и предпосылок сложившейся ситуации в экспертно-аналитическом сообществе в целом имеется согласие, то в оценках характера и масштаба изменений, а также возможных геополитических последствий присутствуют существенные расхождения.

Привел ли кризис на Украине к изменению европейского геополитического ландшафта? Вызвал ли он фундаментальные изменения в существующем порядке, в сложившемся балансе сил на континенте? Многие зарубежные политики и аналитики инстинктивно ответят «да», имея в виду грубое нарушение Россией правил игры, совершенную ею аннексию территории другой страны, а также непрекращающуюся атаку на украинский суверенитет.

«Мир уже никогда не будет прежним», – заявил незадолго до своей отставки глава Европейского Совета Херманн фон Ромпей, предвещая геополитические сдвиги тектонического масштаба в сердце Европы. По его мнению, дело идет к большой войне на континенте, «которая рискует стать самой смертельной со времени балканских войн». [7]

«Осуществив аннексию Крыма и вторжение в Украину, Россия поставила в повестку дня фундаментальные вопросы по поводу принципов европейского порядка, – утверждают авторы аналитического обзора, подготовленного Европейским советом по Международным делам. – Россия стремится восстановить и одновременно легитимировать сферы влияния в качестве организующего принципа европейского порядка. Это прямой вызов Европе и Западу в целом: и даже если некоторые страны готовы были бы негласно признать российское видение европейского порядка, ни одна из них не может позволить себе сделать это открыто. В то же время, еще менее вероятным чем когда либо видится вариант, когда Россия принимает условия порядка, продиктованного Западом». [7]

Весьма апокалиптический сценарий возможного будущего рисует Сергей Караганов: «Украинский кризис нанес мощный удар по всему проекту единой Европы... Этот геополитический конфликт усугубляется опасностью глубинного цивилизационного размежевания между нами по новым культурно-ценностным линиям разлома. Такой сценарий для нас совершенно неприемлем, поскольку Россия при всех ее национальных и исторических особенностях выросла из Европы и расстаться с ней означает потерять часть русской идентичности. А для Европы потеря России будет означать утрату своего 500-летнего политического, экономического, а затем и культурного лидерства». [3]

Схожую по степени драматизма оценку дает глава Московского Центра Карнеги Дмитрий Тренин: «Мировой беспорядок только что добрался до еще совсем недавно самой стабильной и умело регулируемой части планеты – до Европы. А это значит, что в обозримом будущем на европейском континенте не будет общей системы безопасности, общих норм и единых для всех правил поведения». [4]

В действительности, на наш взгляд, «сложившийся порядок» в очередной раз получил зримое и грубое подтверждение.

Существующий европейский порядок оформился в результате последней волны расширения НАТО и ЕС на Восток, когда Россия ясно дала понять, что не собирается мириться с чрезмерным дрейфом своих ближайших стран-соседей на Запад. Грузии, Молдове и Азербайджану в самой жесткой форме был преподан урок о том, что для России сохранение контроля над своими соседями важнее, чем собственное сближение с Западом. Москва эффективно воспользовалась замороженными конфликтами на территориях своих соседей, обеспечив себе максимум политического влияния при минимуме силового воздействия.

Запад не предпринял в этой связи ничего существенного, потому, что не мог. То же самое происходит сегодня в связи с Украиной, только в большем масштабе, поскольку ставки существенно выше.

Когда разразился кризис на Украине, Запад косвенно подтвердил сложившийся статус-кво, отказавшись подтвердить собственные гарантии этой стране от внешнего вмешательства и аннексии, закрепленные Будапештским меморандумом 1994 года. Конечно, никто в Вашингтоне, Париже или Лондоне не готов сформулировать это в подобных категориях. В этом проявляется весь трагизм позиции Запада, который не мог пойти на военное вмешательство в Украине, равно как и не мог с точки зрения морали признать силовое перекраивание границ в Европе.

В итоге, жесткая сила России одержала верх над западными принципами. Подтвердив тем самым, что архитектура Европейской безопасности заканчивается там, где заканчиваются гарантии 5-й Статьи Устава НАТО.

Украина никогда не была и не является сегодня частью этой архитектуры. Никто на Западе не готов предоставить этой стране такие гарантии безопасности, которые не могут быть обеспечены. Другими словами, Запад гневно отвергает язык «сфер влияния», но фактически признает их существование. Вопреки расхожему мнению, такое положение вещей не является чем-то качественно новым.

Важным индикатором того, что украинский кризис всего лишь подтвердил сложившийся порядок, можно считать реакцию НАТО. На своем саммите в Уэльсе осенью 2014 г. Альянс принял решение укрепить восточный фланг. Размещены дополнительные силы для патрулирования воздушного и морского пространства НАТО, разработана новая система реагирования на вызовы безопасности стран, граничащих с Россией и Украиной. Организация приняла эти решения в атмосфере редкого единогласия и твердости в своих намерениях. Однако альянс даже не пытался изменить стратегический ландшафт Европы, расширив рамки своих гарантий безопасности. НАТО выбрало именно ту роль гаранта статус-кво, которую желало большинство его членов.

Об этом прямо заявил генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг в интервью телеканалу Sky News 13 марта с.г. «Украина не член НАТО, и в этом заключается разница. Гарантии безопасности распространяются на членов альянса», – заявил он. Столтенберг подчеркнул, что НАТО отвечает за защиту своих союзников, «однако никто из них не подвергается атакам». [1]

Западный выбор в пользу статус-кво подтверждается и такими индикаторами, как расходы на оборону – которые на самом деле не претерпели сколь-нибудь существенных изменений для ключевых стран альянса, и едва ли их стоит ожидать в обозримой перспективе, – а также реакция США на кризис, которая оказалась оперативной, но достаточно ограниченной в масштабе.

При этом очевидно, что во многих смыслах США были и остаются единственной страной, способной реагировать на украинский кризис таким образом, который изменил бы стратегический ландшафт Европы. И тем не менее, США предпочли этого не делать. Вашингтон не готов фундаментально переосмыслить свои сокращающиеся стратегические позиции в Европе, вопреки усилиям ряда ключевых американских дипломатов, пытающихся подвинуть Белый дом в этом направлении.

«Реальность такова, что в системе приоритетов США Европа уступает место разворачивающейся силовой игре в Тихоокеанском регионе, а также усугубляющемуся хаосу на Ближнем Востоке, – утверждает глава европейского отделения Центра Карнеги Ян Техау. – Украинский

кризис оказался недостаточно масштабным, чтобы внести изменения в эти калькуляции, несмотря на то, что Китай с большим интересом наблюдает за тем, какой вес придают США своим гарантиям безопасности в Европе. Пекин пытается понять, какие уроки он может вынести из этой ситуации применительно к собственным планам в отношении ближайших соседей». [8]

Еще более значимым является то обстоятельство, что старый порядок в Европе переподтвержден самими (западно)европейцами. Не похоже, чтобы украинский кризис серьезно поколебал их общее видение европейской безопасности. Лишь горстка второстепенных стран выразила готовность нарастить свой военный потенциал сколь-нибудь значимым образом. Ни одна из ведущих европейских держав не готова выйти за рамки своей привычной модели безопасности. Европейцы намерены и дальше сохранять комфортную позицию, предполагающую ведущую роль США в обеспечении безопасности в Европе, и это верно даже для Франции и Великобритании – двух европейских стран, традиционно склонных поиграть военными мускулами.

Так что же, кризис на Украине ничего не изменил? Не совсем так. Два фактора претерпели изменения. Во-первых, это сама Украина. Результатом кризиса стало заметное укрепление национальной идентичности украинцев, всплеск революционной пассионарности. Это, возможно, наиболее значимый результат кризиса, способный в будущем привнести реальные геополитические изменения в Восточной Европе.

Второй фактор связан с тем, что впервые ЕС демонстративно занял определенную сторону в этом конфликте. На фоне продемократического импульса Евромайдана, ЕС недвусмысленно поддержал новые украинские власти, тем самым открыто противопоставив себя воле Москвы. Евросоюз никогда прежде не делал такой однозначный выбор.

В прошлом, отношения с Россией были фактором раскола в европейской внешней политике. Однако на этот раз ЕС сформулировало единодушный ответ на действия России в форме ограниченных санкций, а также политической и экономической поддержки новому руководству Украины, не отказываясь при этом и от дипломатических каналов взаимодействия с Москвой. При этом Европа держит в резерве свое «оружие массового поражения» в виде отказа России в доступе к своему финансовому сектору.

Впрочем, кризис также показал, что искомое единство, при всей его значимости, демонстрирует хрупкость и дефицит лидерства. Показательно, что ни Веймарский Треугольник, ни Вышеградская Группа – два формата, способных генерировать серьезный импульс как в плане управления кризисом на Украине, так и переформулирования долгосрочной стратегии взаимоотношений с Россией, – не были эффективны в решении этих задач. Основные участники дискуссии, традиционно проявляющие активность в рамках Восточной политики ЕС – Польша, Германия, Словакия, Чехия, Венгрия, – смогли достичь компромисса на основе относительно заниженного общего деноминатора обсуждаемых сценариев реакции на события в Украине. Однако между ними сохраняются разногласия по поводу долгосрочных ориентиров политики ЕС на будущее: в частности, в отношении тех уроков, которые связаны с провалом Вильнюсского саммита. Конкурирующие интерпретации ошибок, допущенных Евросоюзом в реализации его политики Восточного партнерства («неумение донести суть этой политики до России» или «недостаточно щедрые предложения для Украины»), способны поколебать основания нынешнего консенсуса.

Впрочем, европейский вектор, при всей его очевидной значимости, отнюдь не исчерпывает тему геополитических последствий украинского кризиса. Эксперты выделяют целый ряд таких аспектов,[6] каждый из которых заслуживает отдельного внимания, однако в силу ограниченности формата выступления может быть намечен лишь конспективно.

Вызов международным нормам и институтам. Действия России являют собой двунаправленное наступление против сложившегося на Западе образа международного порядка. Во-первых, Москва ставит под сомнение фундаментальный базис внешней политики Запада, настаивая на том, что США и Европа лишь делают вид, будто уважают международное право, на самом же деле всегда готовы действовать за его пределами, если это отвечает их интересам. Во-вторых, Владимир Путин формулирует принципиально анти-либеральное, в его представлении более

реалистичное видение мирового порядка, опирающееся на сферы интересов, противостоящее народным революционным движениям и отдающее предпочтение избранным национальным или лингвистическим группам – во всех аспектах диаметрально противоположность западным идеям и либеральным принципам.

Хотя развивающиеся державы, такие как Китай, Индия и Бразилия, прямо не бросали вызов сложившимся послевоенным институтам, они проявляли недовольство теми способами, которыми Запад использовал глобальные институты в своих интересах, и предпринимали усилия по выстраиванию «путей в обход» глобальных институтов, выстраивая двусторонние соглашения, размывающие либеральный базис установленных правил игры. Сегодня Запад, пытаясь обратить глобальные институты против уже не только Северной Кореи и Ирана, но и России – постоянного члена СБ ООН, – провоцирует своими действиями ревизию установленного порядка.

Эрозия глобальных позиций Запада. Вопреки тому факту, что обращение России к силе для отторжения территории своего соседа создает прецедент, несущий угрозу мировому порядку, этот самый мир не спешит встать на сторону Запада. Большое число воздержавшихся при голосовании в ГА ООН свидетельствует о том, что многие страны воспринимают сложившуюся ситуацию скорее как противоборство центров глобальной силы, и не склонны разделять самоидентификацию Запада как защитника либерального мирового порядка. Не-Западный мир оказался восприимчив к риторике Москвы, разделяя озабоченность некоторыми действиями Запада на мировой арене, и недовольство тем, что Запад пользуется привилегированным положением в рамках созданной им международной системы.

Девальвация политики санкций. Страны-изгои долгое время оставались основным полем приложения западной политики экономических санкций – от Ливии до Ирака, Ирана и Северной Кореи. Украинский кризис может положить начало резкому снижению эффективности экономических санкций в качестве приоритетного инструмента американской политики принуждения. Попытка распространить систему экономических санкций на Россию, 9-ю по размерам мировую экономику, способна вызвать своеобразную «перегрузку» экономического принуждения подобно тому, как война в Ираке привела к перегрузке механизма военного принуждения.

Можно ожидать нарастающих усилий со стороны «альянса ревизионистов», направленных на разработку обходных механизмов экономического развития (суверенные банковские и платежные системы, резервные валюты и т.д.), позволяющих изолировать свою экономику от Управления по контролю за иностранными активами Казначейства США. И даже Европа может ощутить потребность выйти из зависимости от политических предпочтений финансовых властей США (о чем, в частности, свидетельствует кейс банка BNP Paribas).

Страны Азии конкурируют за внимание России. Учитывая, что многие страны Азии обеспокоены собственными проблемами с сепаратизмом, можно было бы ожидать, что они займут негативную позицию в связи с аннексией Крыма Россией и её поддержки сепаратистам на Востоке Украины. Вместе с тем, украинский кризис демонстрирует тот факт, что в еще большей степени азиатские страны озабочены проблемой западного интервенционизма. Это касается даже Индии и Китая, которые традиционно с опаской воспринимают идею плебисцита в любой форме из опасений сецессии собственных проблемных регионов.

По мере роста региональной напряженности в Азии, многие страны региона стремятся укрепить свои стратегические связи с внешними силами – и, несмотря на поведение России на Украине, даже западные союзники в Азии продолжают конкурировать за внимание Москвы. Так, Япония стремится заручиться симпатиями Кремля в надежде, что они не достанутся целиком Китаю. Южная Корея смотрит в сторону Москвы в поисках нормализации отношений с Северной Кореей. Для сравнения, европейские державы не обладают сравнимыми по весу позициями в Азии, чтобы рассчитывать привлечь страны региона на свою сторону по вопросам, имеющим отношения к Украине и Крыму.

Глобальная перекройка энергетических рынков. Любая европейская стратегия сокращения энергетической зависимости от России с неизбежностью будет означать переориентацию на страны Ближнего Востока и Северной Африки. Наряду с уже задействованными источниками

Алжира и стран Персидского залива, украинский кризис способен значительно повысить привлекательность Иранского энергетического рынка, находящегося под санкциями, – провоцируя тем самым российско-иранское соперничество вместо сотрудничества. Другой вариант предполагает переориентацию Европы на Ливию, с тем, чтобы задействовать её потенциальный поток в 1,6 млн. баррелей в день, либо на контролируемые курдами месторождения Северного Ирака, особенно в перспективе развития трубопроводной инфраструктуры на турецком направлении. Перспективы стратегической переориентации Европы на ближневосточный энергетический рынок могут оказаться столь же иллюзорными, сколь привлекательными они выглядят на первый взгляд, однако они, так или иначе, должны быть в зоне приоритетного внимания европейцев.

Рост ставок в самой России. Кризис на Украине в обозримом будущем может оказаться переломным моментом для самой России. Это событие драматическим образом усилит внутренние политические и экономические напряженности, с которыми режим Владимира Путина сталкивался и ранее, однако теперь ситуация приобретает черты системного кризиса.

«Сегодня Путин находится на пике своей популярности в стране, его репутация выстроена на образе жесткого и агрессивного лидера. Однако, по мере того, как ситуация вокруг Украины будет проясняться, первоначальный «успех» будет все больше оборачиваться политическим поражением, на фоне усугубляющихся экономических проблем», – формулирует ожидания западного экспертно-аналитического сообщества вышеупомянутый Джордж Фридман. [5]

При этом Фридман ссылается на значимые исторические прецеденты отстранения от должности высших российских и советских руководителей (Хрущева, Ельцина) в схожих, по его мнению, ситуациях. Так, одной из причин того, что Владимир Путин в свое время сменил Бориса Ельцина в 2000 году, была беспомощность политики Ельцина в период Косовской войны. Ельцин ничего не смог противопоставить такому унижению. Ельцин также был вынужден досрочно покинуть свой пост из-за катастрофического положения в российской экономике.

Очевидно, что именно ожидание драматических внутривнутриполитических изменений в России является истинной, хотя и не высказанной вслух целью всех антироссийских санкций и усилий Запада на данном этапе. Ясно также, что масштаб геополитических последствий подобных сценариев не идет ни в какое сравнение с упомянутыми выше векторами и аспектами развития ситуации.

Украинский кризис далек от разрешения, тест международной дипломатии на эффективность продолжается. В то время, как одни западные политики и эксперты продолжают надеяться, что уже введенные и обсуждаемые санкции способны вынудить Россию принять требования Запада, другие вносят в повестку дня вопрос об оказании военной помощи Украине и укреплении силового потенциала НАТО в регионе. Третьи же, – отказываясь поверить, что Кремль окончательно предал забвению собственные десятилетние усилия, направленные на позиционирование себя как надежного, заслуживающего доверия международного игрока, – уповают на то, что националистическая риторика хорошо работает на внутреннюю аудиторию, однако российское руководство все еще жаждет признания и престижа на глобальной арене – а вовсе не изоляции.

Выход из нынешнего тупика видится в совместном открытом и честном анализе интеллектуальных и политических ошибок, сделанных всеми заинтересованными сторонами за последние четверть века, и извлечении соответствующих уроков.

Список литературы:

- [1] «Генсек НАТО: украинский конфликт – не зона ответственности альянса» // РИА Новости. 14.03.2015. http://m.ria.ru/world/20150314/1052502034.html?rubric=sys_daynews&sort=sortkey (верно на 20.03.2015)
- [2] Лукьянов, Федор. «Война за европейское наследство» // Российский совет по международным делам, 27 февраля 2015 г. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5358#top (верно на 20.03.2015)
- [3] Караганов, Сергей. «Украинский кризис нанес мощный удар по европейскому проекту» // Российский совет по международным делам, 27 февраля 2015 г. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5359#top (верно на 20.03.2015)

-
- [4] Тренин, Дмитрий. «Украинский кризис указывает на начало новой смутной эпохи в мировой политике» // inoСМИ.ru, 16.02.2015 http://inosmi.ru/guardian_co_uk/20150216/226288365.html (верно на 20.03.2015)
- [5] Friedman, George “Can Putin Survive?” // Geopolitical Weekly, March 17, 2015.
- [6] Mearsheimer, John J. “Why the Ukraine Crisis Is the West’s Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin” // Foreign Affairs, September/October 2014.
- [7] “Ten global consequences of the Ukraine crisis”. Piotr Buras, Anthony Dworkin, François Godement, Mark Leonard, Daniel Levy & Kadri Liik // European Council of Foreign Relations, 16th June, 2014. http://www.ecfr.eu/article/commentary_ten_global_consequences_of_ukraine272 (верно на 20.03.2015)
- [8] “Why Ukraine Was No Game Changer” Posted by: Jan Techau // Carnegie Europe, February 24, 2015. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=59163> (верно на 20.03.2015)

КРИЗИС НА УКРАИНЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА: СУЩНОСТЬ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

***Аннотация.** Коренная причина кризиса состоит в стремлении правящей элиты США упрочить контроль над Евразией, в соответствии с доктриной «американского лидерства в мире». Для этого, под маской внедрения «европейских ценностей» осуществляется процесс переформатирования Украины в экстремистски русофобскую нацию, призванную создать и поддерживать цивилизационный разлом на границе Украины с Россией. Подчиненная США киевская хунта активно распространяет идеологию, вознившую в Галиции, которая в течение 6-ти веков не входила в состав Украины. Сущность кризиса – конфликт ценностей галицийского происхождения, с одной стороны, и традиционных восточнославянских – с другой. Преодоление кризиса возможно путем противодействия гегемонистским устремлениям США со стороны стран БРИКС, ШОС, Евразэс.*

Выступая на открытии круглого стола РАН на тему «Украинский кризис: внутренние и международные последствия», академик А. Кокошин, в частности, отметил, что «украинский кризис разразился в условиях активизации роли в мировой политике России, в том числе, по причине ее реинтеграции на постсоветском пространстве. События на Украине развивались в условиях значительной эрозии положения США «как единственной сверхдержавы» и, как следствие, неадекватной реакции на это большей части американского «политического класса». Кроме того, всё это происходило на фоне разнообразных кризисных явлений в ЕС. Поэтому «российское научное сообщество должно анализировать и прогнозировать украинские события не только в региональном, но и глобальном контексте», – подчеркнул Андрей Кокошин. [3]

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

1. ИЗОЛЯЦИЯ РОССИИ

В качестве существенного внерегионального фактора для украинского кризиса, как ни странно на первый взгляд, надо отметить быстрый рост совокупной мощи Китая. В частности, экономика Китая в 2014 году, по ряду оценок, по одному из ключевых макроэкономических показателей – паритету покупательной способности, превзошла экономику США, при том, что США пока сохраняют превосходство над КНР по ряду параметров национальной мощи. Одновременно в период до украинского кризиса происходило углубление и расширение российско-китайского политического и политико-военного взаимодействия по многим направлениям.

В отношении сдерживающих факторов, таких как стратегические ядерные силы, то здесь, существует в целом равновесие между США и Россией, – по ракетам-носителям, подводным стратегическим ракетноносцам, крылатым ракетам большой дальности и новейшим ядерным боеприпасам. Военно-промышленный комплекс России, в целом, успешно развивается.

Санкции, введенные против России, хотя и нанесли определенный ущерб, но далеко не тот, на который рассчитывали их инициаторы. Кроме того, целый ряд стран, в том числе, из ряда

* Шаповалов Виктор Федорович, доктор философских наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени Ломоносова.

крупных и развитых, не включились в санкционную борьбу. Скептическое отношение к такой борьбе распространено даже среди стран союзниц США по НАТО.

Огромные усилия США по изоляции РФ натолкнулись также на позицию тех государств, которые заметно укрепили свои позиции в мировой экономике и политике в последние годы: прежде всего это КНР, а также Индия и Бразилия. Неспособность Вашингтона обеспечить изоляцию РФ – это прямое следствие огромных структурных изменений в системе мировой политики, как раз и приведшим к неудаче США в попытках изолировать Россию. Нужна была провокация, которая позволила бы свалить на Россию все мыслимые и немыслимые грехи, создать повод для обвинений ее в агрессивности, нарушении международного права, в «непредсказуемости». Именно стремление создать такой повод и является одной из причин активности США по развязыванию и углублению кризиса на Украине.

2. КОНТРОЛЬ НАД ЕВРАЗИЕЙ.

Здесь уместно вспомнить несколько тезисов о Евразии Збигнева Бжезинского, развивающего в своей известной книге доктрину глобального доминирования США. Однако, предварительно отметим, что эта доктрина сложилась задолго до Бжезинского – еще при президенте Вильсоне, т.е. около 1915 года.

«Вильсон перевел Америку в плоскость представлений, не имеющих ничего общего с представлениями, характерными для предшествующей истории Америки, – писал Г. Киссинджер. – Он настаивал на том, что роль Америки – «доказательство не нашего эгоизма, но нашего величия». Еще в 1915 году Вильсон выдвинул беспрецедентную доктрину, гласящую, что безопасность Америки неотделима от безопасности *всего* остального человечества. Из этого вытекало, что отныне долг Америки заключается в том, чтобы противостоять агрессии *где бы то ни было*. «Поскольку мы требуем для себя возможности развития без вмешательства извне, – цитирует Киссинджер слова Вильсона, – и беспрепятственного распоряжения нашими собственными жизнями на основе принципов права и свободы, мы отвергаем, независимо от источника, любую агрессию, ибо не являемся ее приверженцами... И мы делаем еще больше: требуем этого и для других. Мы не ограничиваем нашу горячую приверженность принципам личной свободы и беспрепятственного национального развития лишь теми событиями и переменами в международных делах, которые имеют отношение исключительно к нам. Мы испытываем ее всегда, когда имеется народ, пытающийся пройти по трудному пути независимости и справедливости». «Представление об Америке как о благожелательном международном полицейском как бы превозносило политический принцип вовлеченности, разработанный после Второй мировой войны», – отмечает Киссинджер. И продолжает.

«Вильсон преобразовал то, что поначалу представлялось подтверждением обоснования американского нейтралитета, в ряд основополагающих принципов, заложивших фундамент для глобального крестового похода. Он разработал потрясающую интерпретацию предостережения Джорджа Вашингтона против вовлеченности в чужие дела. Вильсон переосмыслил само это понятие таким образом, что первый президент был бы потрясен, услышав подобное толкование. В интерпретации Вильсона, Вашингтон имел в виду следующее: Америка должна избегать вовлеченности в достижение *чуждых для себя целей*. Но, как доказывал Вильсон, все, что касается человечества, «не может быть для нас чужим и безразличным». Отсюда вытекает, что Америка ничем не ограничена в исполнении своей миссии за рубежом [2].

«Представление об Америке как о благожелательном мировом полицейском» – по выражению Киссинджера, – нашло свое отчетливое выражение в политике всех послевоенных американских президентов, начиная с Гарри Трумэна. И на словах и на деле оно все более превращалось в неприкрытое стремление к мировому господству – «доминированию», «лидерству Америки в мире» и т. п. [Более подробно, см. В частности, 8.] Не отказался от него и президент Обама. Так, выступая перед выпускниками Академии Вест-Пойнт 28 мая 2014 года, Барак Обама, в частности, сказал: «Америка должна всегда сохранять лидерство на мировой арене. Если не мы, больше никто этого не сделает. Вооруженные силы, частью которых вы стали, всегда будут

основой этого лидерства. Однако военные действия США не могут быть единственной или даже первичной составляющей нашего лидерства в любой ситуации <...> И ввиду того что расходы, связанные с военными действиями, настолько высоки, вы должны ожидать от каждого гражданского лидера, и в особенности от вашего главнокомандующего, четкости относительно того, как следует использовать эту мощную силу» [6].

Очевидно, что Обама говорит о пересмотре тактики, но не стратегии: он призывает к осторожности в применении военной силы. Но стратегическая цель сомнению не подвергается: ею остается «американское лидерство в мире». И в этом смысле политика Обамы мало чем отличается от политики предыдущих президентов США и от того, за что ратует Бжезинский.

Под Евразией Бжезинский (в отличие от русских евразийцев, ограничивающих Евразию территорией Российской империи) понимает огромное географическое пространство – от европейских берегов Атлантического океана на Западе и до Тихого океана на Востоке, т. е. В нее входит Западная Европа, вся территория бывшего СССР, Китай и др. страны.

«Критически важным является то, как Америка «управляет» Евразией, – писал Бжезинский. – Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении.

- Один взгляд на карту позволяет предположить, что контроль над Евразией почти автоматически повлечет за собой подчинение Африки, превратив Западное полушарие и Океанию в геополитическую периферию центрального континента мира.
- Около 75% мирового населения живет в Евразии, и большая часть мирового физического богатства также находится там как в ее предприятиях, так и под землей.
- На долю Евразии приходится около 60% мирового ВВП и около трех четвертей известных мировых энергетических запасов.
- В Евразии также находятся самые политически активные и динамичные государства мира.
- После Соединенных Штатов следующие шесть крупнейших экономик и шесть стран, имеющих самые большие затраты на вооружения, находятся в Евразии.
- Все, кроме одной, легальные ядерные державы и все, кроме одной, нелегальные находятся в Евразии.
- Два претендента на региональную гегемонию и глобальное влияние, имеющие самую высокую численность населения, находятся в Евразии.
- Все потенциальные политические и/или экономические вызовы американскому преобладанию исходят из Евразии. В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское.

К счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении.» «Кто владеет Евразией, – тот владеет миром», – таков главный вывод Бжезинского.[1, выделено мной – В.Ш.]

После распада СССР казалось, что препятствия для установления контроля США над Евразией устранены. Однако, вопреки ожиданиям правящего класса США относительно того, что распад СССР вызовет дальнейший распад России, ослабление Китая и других региональных держав, произошла известная консолидация стран евразийского пространства. В этих условиях, контроль США над Евразией стал неизбежно ослабевать. Нужны были срочные меры по предотвращению дальнейшего сплочения Евразии. С этой целью и был спровоцирован конфликт на Украине. Этот конфликт призван создать новый цивилизационный разлом внутри Евразии – разлом между Европой и Россией. Поясним сказанное.

Очевидно, что наиболее острые и затяжные конфликты современного мира проходят по линиям границ между цивилизациями – «цивилизационных разломов». К ним, например, относятся: длительный конфликт на Ближнем востоке (в последние годы перекинувшийся и внутрь

Европы) – разлом между европейской и цивилизацией в США, с одной стороны, и арабо-исламской цивилизацией – с другой; столь же длительный конфликт между цивилизацией США и латиноамериканской цивилизацией, нашедший свое выражение на Кубе, в Никарагуа, в Венесуэле, в последнее время – в противоречиях между США и Аргентиной, США и Бразилией. Думается, что и конфликт на Украине стал результатом создания искусственного цивилизационного разлома внутри этой страны.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Современный украинский кризис, как известно, имеет длительную предысторию. «Галиция, с 1349 г. оторванная от остальной Украины, изрядно ополеченная, – отмечает Н. Нарочницкая, – покочевавшая и в Австрию, вообще не делила с православной Украиной ее судьбу. Она стала буфером между православно-западнорусскими и польско-католическим культурным типом. Именно феномен греко-католика – ни русский, ни поляк – основа самоидентификации украинства как антимосковитства.. Именно поэтому в свое время на Галицию в Вене возложили надежды как на украинский Пьемонт еще перед первой мировой войной – проект, который в случае победы австро-германского блока сулил отрыв Малороссии от России. Отрыв Киева от Москвы и окатоличивание восточного славянства были устремлениями и перед второй мировой войной.

Вторя папе Урбану 8, Митрополит Андрей Шептицкий, благославлявший Бандеру и дивизию СС «Галичина», обращался в 1929 г., т. е. задолго до пакта Молотова-Риббентропа, к вверенному ему духовенству: «Многим из нас Бог еще окажет милость проповедовать в церквах Большой Украины... по Кубань и Кавказ, Москву и Тобольск.» [4. С. 279.]

Отметим, что во время нахождения западной Украины под властью Польши (Речи Посполитой) ее руководство считало, что Брестская уния (1596), приведшая к возникновению греко-католической (униатской) церкви, способствовала ослаблению духовных связей православных Юго-Западной Руси с Русским государством. Подписание Брестской унии привело к долгой и временами кровавой борьбе на западнорусских землях. После окончания Великой Отечественной войны, в марте 1946 года на церковно-народном соборе Брестская уния была на территории СССР упразднена, а деятельность украинской греко-католической (униатской) церкви за поддержку в период Второй мировой войны дивизии СС «Галичина» и Украинской повстанческой Армии (УПА) была советской властью запрещена.

В 1990 г на волне «демократических» преобразований запрет был отменен.

В постсоветское время Украинская униатская церковь совместно с римско-католической, – также получившей распространение на западной Украине (во время ее нахождения в составе Польши), – заняла резко агрессивную позицию по отношению к Русской православной церкви Московского Патриархата. При попустительстве и прямой поддержке Киевских властей (особенно при президенте Ющенко) униаты стали вести активную антирусскую и антироссийскую пропаганду. Следует упомянуть и такую религиозную организацию как «РУНВИРа» – «Рідна Українська віра» с центром в США. Эта организация, строящая свою доктрину на возрождении древних языческих культов, развернула активную деятельность на постсоветской Украине. Все эти и целый ряд других организаций вели и ведут пропаганду, основной тезис которой состоит в том, что «москаля» – эти дикие и бескультурные варвары – оккупировали и поработили Украину, и поэтому настоящий украинец это тот, кто не только не имеет ничего общего с москалями, но и ведет против них непримиримую борьбу.

В связи со сказанным приведем слова Н. Нарочницкой. «Именно отождествление «украинства» с антимосковитством, – отмечает она, – наделяет украинскую идею комплексом «младшего брата». Так она никогда не выйдет из стадии самоутверждения, расточая национальную энергию и интеллект на поиски антропологических и культурных различий от москалей. Этот комплекс, навязанный галицийской идеологией, подрывает единство Украины и является препятствием к ее подлинному самовыражению во всеукраинском национальном проекте <....> Но

раздвоенность политики и исторического сознания Украины в ее нынешних советско-постсоветских границах оказалась естественной и неизбежной.» [Там же.]

Эта раздвоенность и послужила одной из внутриукраинских предпосылок современного кризиса. Однако она так бы и осталась не более чем предпосылкой, если бы США в борьбе за господство над Евразией не решили активно использовать Украину.

Надо учесть, что архитектура мирового порядка определяется не только сотрудничеством, но соперничеством. И в этом соперничестве важную роль играют не только экономический и военно-технический потенциал того или иного субъекта, но система ценностей, определяющая образ жизни и мысли данного сообщества людей. Поэтому соперничество в рамках глобальной порядка – это соперничество не только экономическое и военно-техническое, но и соперничество систем ценностей. Масштабные длительно существующие социальные образования, основанные на устойчивых системах ценностей, и есть не что иное как локальные цивилизации.

Исторически цивилизационный разлом между Европой и Россией проходил по Карпатским горам. Иначе говоря, территория современной Украины (за исключением Галиции) никогда не принадлежала к западной цивилизации: она была (с некоторыми культурными особенностями) частью российской цивилизации. Очевидно, что для того, чтобы использовать Украину для целей удержания контроля над Евразией, а значит, для ослабления России, США стремятся оторвать Украину от российской цивилизации. Именно для этих целей ими запущен механизм внедрения на Украине ценностей, противоположных ценностям российской цивилизации.

Поэтому суть современного украинского конфликта – конфликт ценностей, причем ценностей самого глубокого, фундаментального характера. При этом еще раз, следует подчеркнуть, что конфликт в значительной мере создан искусственно. Вместе с тем надо заметить, что процесс распространения ценностей одного, небольшого района современной Украины – Галиции – на всю ее территорию начался еще в дореволюционное время и продолжался в советское время. Ускоренными темпами он пошел в постсоветской Украине. Тем самым, линия, отделяющая западную цивилизацию от российской, все более смещалась на восток.

Современное разрастание конфликта связано с тем, что силами США и отчасти Европы на Украине создается новая нация, которая декларативно преподносится как «европейская». Ее создатели опираются на популярную среди ученых-обществоведов западных стран так называемую «конструктивистскую» теорию происхождения наций.

Согласно этой теории, нации возникают не естественным путем («примордиалистская» концепция), а создаются сознательно и целенаправленно, – чаще всего, посредством воздействия государственной власти. Трудно сказать, насколько справедлива конструктивистская концепция применительно к прошлому, но в современных условиях она нередко срабатывает. Современные средства манипулирования массовым сознанием позволяют не только создать новую нацию, но и пересоздать, переформатировать уже существующую. Мощь государства, подконтрольных ему СМИ, системы образования, – совокупная сила их воздействия на сознание больших масс людей – столь велика [см., в частности, 7.], что такое переформатирование вполне осуществимо. Именно этим и занимается поддерживаемая США правящая хунта на Украине, пришедшая к власти в результате государственного переворота: под маской европейских ценностей внедряются идеи крайнего национализма и русофобии. Тем самым, на наших глазах создается нация, с ценностями, радикально отличными от традиционно украинских (малороссийских), от традиционно восточнославянских, – нация, ориентированная антироссийски.

Очевидно, что реализация на Украине сценария США, т. е. продвижение США к цели контроля над Евразией и к глобальному доминированию, вызовет сугубо негативные последствия во всем мировом сообществе: доминирование одной страны приведет к дальнейшему понижению роли ООН, к падению значения международного права. Однако столь же очевидно, что в мире есть достаточно влиятельные силы, способные противостоять этому. Это, прежде всего, страны БРИКС, ШОС, Евразэс, ОДКБ. Разумеется, существенная роль принадлежит самопровозглашенным ДНР и ЛНР, а также внутриукраинской оппозиции.

Литература:

- [1] Бжезинский Збигнев. «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). 1997.
- [2] <http://www.lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt>
- [3] Киссинджер Г. Дипломатия.
http://www.e-reading.link/bookreader.php/1016921/Kissindzher_-_Diplomatiya.html
- [4] Кокошин А. Вступительное слово на круглом столе РАН «Украинский кризис: внутренние и международные последствия». 24 марта 2015 г.
- [5] URL <http://viperson.ru/wind.php?ID-679939&soch-1>
- [6] Нарочницкая Н. А. Русский мир. СПб. 2008. – 385 с.
- [7] Никонов В. А. Российская матрица. М. Русское слово. 2014. – 992 с.
- [8] Обама Б. Выступление перед выпускниками Академии Вест-Пойнт 28 мая 2014 года.
<http://rusinform.net/polnaya-rech-baraka-obamy-v-vest-pojnte-28-maya-2014-goda>
- [9] Пугачев В. П. Управление свободой. 2-е изд. М. Комкнига, 2010. – 268 с.
- [10] Шаповалов В. Ф. Град на холме//Стратегия России. 2015. № 4.